

Сергей ЗВЕРЕВ

ЗОЛОТАЯ РОТА

Сергей Иванович Зверев

Золотая рота

Серия «Спецназ ВДВ»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3937145
Зверев С. И. Золотая рота: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57797-2*

Аннотация

В далекой Доминиканской Республике, на островке Эстрема, пропал автобус с российскими туристами. Исчез без следа, как сквозь землю провалился. Отыскать его и выяснить судьбу соотечественников отправились четверо бывших спецназовцев ВДВ во главе с майором Андреем Куприным. Впрочем, бывших десантников не бывает, и квалификация бойцов вполне позволяет надеяться на успех операции. Однако даже такие закаленные парни, как спецназовцы майора Куприна, не ожидали, с каким мощным противником им придется сразиться. Ведь с пропажей автобуса связана местная мафия, которую курируют, с одной стороны, российские братки, а с другой – само ЦРУ...

Содержание

Пролог	4
* * *	15
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Сергей Зверев

Золотая рота

*В жизни можно делать все, если не надорвешься.
Дж. Олбридж*

Пролог

Небольшой экскурсионный автобус с эмблемой корейского производителя отъехал от отеля «Grand Bavaro Resort» в одиннадцать утра по местному времени. У дверей отеля в автобус загрузились пятеро – трое мужчин и две женщины. Предъявили улыбчивой мулатке-гиду ваучеры на экскурсию и принялись рассаживаться. Водитель развернулся на тесном пятачке и направил автобус в узкий проезд между белеными известью стенами.

– Мужчина, осторожнее! – воскликнула сидящая на переднем сиденье блондинка, придерживав подпрыгнувшую соломенную шляпку.

– Ой, простите, виноват, – смутился веснучатый субъект в очках, опуская сумку, – он заходил последним. Потупил взор и, не сказав больше ни слова, стал протискиваться дальше.

– Какие ранимые наши любимые, – пожаловалась блон-

динка сидящей у окна брюнетке с миловидным профилем и большими смеющимися глазами. — Шары закатят и не видят, куда прут. А ведь у самого четыре высших образования на физиономии.

Брюнетка с интересом покосилась на соседку:

— Как определили?

— Ну, не четыре, так одно, но престижное, — немного смутилась блондинка. — Я, стыдно признаться, психолог по образованию. Мужчина трудится в крупной IT-компании, развивая и популяризируя 5-й закон ненадежности, гласящий, что ошибаться человеку свойственно, но окончательно все запутать может только компьютер. А если вы что-то неправильно поняли... то я просто покрасила волосы перед отпуском.

Обе беззаботно засмеялись. Автобус выбрался из квартала малоэтажной застройки и катил по дороге, засаженной смешными щетинистыми пальмами. Небо лучилось лазурью, солнце жарило немилосердно, термометр на столбе у фонтана показывал сорок четыре по Цельсию, но в салоне было прохладно и свежо — работал кондиционер. Водитель — немолодой мулат со следами хронического недосыпания на одутловатом лице — крутил баранку, перетирая челюстями жевательную резинку. В салоне разместились два десятка пассажиров — имелись свободные места. Вымученно похихатывали мужчины на галерке — у них выдалось непростое похмельное утро. Мама отчитывала капризную девочку.

ку-подростка, которая ныла, что ей не нужны «все эти пещеры», она хочет играть в бассейне с новыми подружками. Оживилась миловидная мулатка-экскурсовод, постучала по микрофону и объявила с акцентом, что экскурсия начинается, она очень рада и надеется, что пассажиры тоже. Автобус еще не покинул Аллеридо, поэтому она не будет докучать, а когда выедут из городка, она подробно расскажет, что такое пещеры Рападора (до которых ехать порядка сорока минут) и почему их называют одним из удивительнейших феноменов Карибского бассейна. Голосок мулатки сливался с ритмом фламенко из приемника, усыплял, ее почти никто не слушал.

– А я где работаю? – спросила брюнетка.

Блондинка прыснула:

– Анекдот напомнили: два психолога встречаются. Один другому: «У тебя все хорошо, а у меня как?» Вы трудитесь в офисе; полагаю, ничего выдающегося?

– Просто ужас, – согласилась брюнетка. – Старший менеджер по персоналу в младшем подразделении дочерней компании... там даже не выговорить. Не хочу про работу. Еще неделя в раю... а там опять на Голгофу. Я из Санкт-Петербурга.

– А я из Москвы, – сказала блондинка.

– Я не замужем.

– Да, собственно, и я... Мужа нет, детей нет, предпочитаю рыбок в аквариуме – пить не просят, по ночам не

орут. Хотя должна признаться, имелась в биографии черная страница под названием «брачный период». Мрачный период... тот еще. Не люблю об этом вспоминать.

– Я тоже познала опыт замужества, – покаялась брюнетка. – Но с тех печальных времен утекло уже столько воды... Вы живете в «Paradisus Golfo»?

– А вы в «Palma Real»? – и обе опять рассмеялись.

– Давайте после экскурсии посидим в каком-нибудь баре, – предложила брюнетка. – Обсудим мужчин, выпьем – за нас, умеренно молодых и красивых, и за них – отвергнутых и рогатых. Заодно покушаем. Надоело уже отельное меню – одно и то же: трава, трава, рыба, трава – как будто четыре звезды не располагают к чему-то большему. Кстати, я не представилась...

Непринужденная беседа протекала под приглушенное гудение мотора. Женщины сошлись во мнении, что в Доминикане очень мило, но дороговато: если нет по жизни чуткого «спонсора», то делать здесь нечего. И с развлечениями не очень – все-таки островок на краю курортной зоны, а не Санто-Доминго, где «во все концы ведет дорога». Кафе, ресторанов и прочих танцполов вполне хватает, назойливых аниматоров – пруд пруди, а вот для души, чтобы по-настоящему отдохнуть – желательно без разрыва барабанных перепонок... Впрочем, они мечтают о том, чего в природе не существует. Блондинка внезапно стушевалась, сообщила, понизив голос, что придерживается традиционной

сексуальной ориентации. Это она так, к слову пришлось... Брюнетка, отсмеявшись, заверила, что она тоже – но в этом пальмовом раю ей так не хватает человека, с которым можно просто поговорить...

Автобус еще не выбрался за пределы городка с названием Аллеридо, под колеса убежала мостовая плитка, за окном мелькали пальмовые пейзажи, опрятные двухэтажные дома, большинство из которых были отелями. Солнце припекало через затемненное стекло – брюнетка задернула шторку. Внезапно автобус резко затормозил, ругнулся по-испански водитель. Мулатка схватилась за поручень, чуть не выронила микрофон. Пассажиры недовольно загудели – мол, что за интересный стиль езды?

– Мы опять в России, – всплеснула руками брюнетка.

– Двое чуть под колеса не бросились, – пояснила блондинка, у которой был хороший обзор через переднее стекло. – Вышли на проезжую часть и давай семафорить. Странный способ голосовать...

Сработал невидимый гидронасос, и плавно отъехала передняя дверь. В салон забрались двое со спортивными сумками – мужчина и женщина. Оба в солнцезащитных очках, одеты неприметно – джинсы, тенниски навыпуск. Женщине еще не было тридцати, мужчине – сорока. Пышные рыжие волосы обрамляли худощавое женское лицо. Мужчина был черняв, непричесан, скуласт, нижняя часть желтого лица пряталась за жесткой щетиной. Женщина вста-

ла на ступеньках, быстро глянув на пассажиров, отвернулась. Мужчина склонился над водителем, что-то забубнил. Дважды прозвучало слово «Чиогаро» – видимо, населенный пункт, куда они хотели попасть. Водитель, судя по всему, не возражал. Нахмурилась мулатка-экскурсовод, закусила нижнюю губу, но вновь расцвела улыбкой. Двое поднялись в салон, женщина встала напротив гида – как бы намекая, что хотела бы сесть на переднее сиденье. Улыбка испарилась с лица мулатки, она сглотнула, напряглась, но тут мужчина коснулся плеча своей спутницы, шепнул что-то на ухо – и оба прошли дальше, сели на свободные места за спиной экскурсовода. Они не разговаривали, женщина тут же уставилась в окно, а мужчина извлек телефон и хмуро на него воззрился, словно не мог решиться – звонить или не звонить. По сторонам они не смотрели. Мулатка справилась с эмоциями, объявила в микрофон:

– Всё в порядке, господа экскурсанты, минутная заминка, ничего страшного. Людям надо помогать, когда-нибудь и люди нам помогут... Итак, мы выезжаем из Аллеридо, и буквально через несколько минут вы узнаете, что такое настоящая девственная природа...

– Водитель решил заработать, взял попутчиков, – неуверенно шепнула брюнетка. – Такое ощущение, что они во всем мире занимаются одним и тем же. Странно, вообще-то это экскурсионный автобус...

– Мне кажется, водитель был не рад, когда они вошли, –

вкрадчиво отозвалась блондинка. — Но у него не было выбора — он испугался и побледнел, я видела в зеркале его физиономию. И наша милейшая экскурсовод, кстати, тоже испугалась. Нам-то что, пусть едут до своего Чиогаро.

— А вы заметили, что парень — метис? — шепнула ей на ухо брюнетка. — Помесь белого и индейца. В Доминикане очень мало метисов. В основном мулаты, чернокожие, немножко белых...

— И масса незаконных иммигрантов с Гаити, — усмехнулась блондинка. — Эти люди на одно лицо, и все, как один, чернее ночи. Хорошо, что в Аллеридо их не так уж много...

Городок оборвался внезапно — перед знаком: стрелка прямо и надпись: «Алькабучо, 25 км». Начиналось то самое, что экскурсовод называла девственной природой. Неплохая асфальтированная дорога вкручивалась в вереницы холмов, заросших буйной тропической флорой. У подножий возвышений теснились пальмы, на холмах преобладал засиженный птицами, цветущий едкими красками кустарник. Между холмами проглядывали джунгли — сочные, густые, увитые лианами-паразитами. Встречных машин было немного, несколько раз автобус обгоняли попутные — отчаянно сигналя, гремя железом. Личные автомобили у простых островитян редко относились к классу представительских.

— Ну до чего же тут красиво! — не удержалась брюнетка, отодвигая шторку. — словно телевизор смотришь...

Блондинку волновало другое. Она украдкой косилась че-

рез плечо – на странных пассажиров. Эти двое не снимали очков. Женищина нервничала – кусала губы, вертела головой, что-то яростно шептала спутнику. Мужчина хмурился, впитывая негативные эмоции подружки, барабанил пальцами по лежащей на коленях сумке. Потом он встал, добрался до водителя и, склонившись над ним, что-то вполголоса бросил. Водитель промолчал, втянул голову в плечи. Мужчина вернулся на свое место, покосившись на блондинку, у которой вдруг перехватило в горле.

– Слушай, подружка, а ведь эта девица – в парике... – зашептала ей на ухо брюнетка. – Ну, эта, которая с метисом. Клянусь своей красотой, что у нее парик. А голова под париком потеет, чешется, и ей приходится лезть под него, чтобы почесать лоб. С чего бы – здесь вполне прохладно. Может, что-то происходит, как ты считаешь? Какая-то аура здесь становится неприятная...

– Да ничего не происходит, забей, – посоветовала блондинка. Ей тоже было не по себе. – Подумаешь, парик – я тоже несколько лет назад ходила в парике, когда однажды перестаралась с краской и стала похожей на злую колдунью. Ну, волнуются люди, может, опаздывают куда?

Водитель притормозил у знака, надпись не успели рассмотреть – съехал с асфальтовой дороги на грунтовую и, набирая скорость, покатыл мимо диких джунглей. Оборвался лес, мелькнула унылая деревушка, состоящая из фанерных домиков и большой свалки. Несколько черных аба-

ригенов, одетых не самым изысканным образом, проводили взглядами автобус. Пассажиры молчали – впрочем, на «камчатке» кто-то уже недовольно забубнил. Возможно, в том и была «изюминка» экскурсионного маршрута – чтобы попасть в восхитительные пещеры Рападора, нужно съехать с трассы на грунтовку? Никто этого не знал – люди впервые ехали на эту экскурсию...

– Что-то здесь не очень... – как-то неуверенно заметила брюнетка. – Только я подумала, что мы отклонились от маршрута.

– Я объясню, – натянуто улыбнулась спутница, покосившись на мулатку, из последних сил изображавшую жизнерадостность. – Высадим парочку, где им надо, и поедем... куда надо нам.

Вероятно, так и планировалось. Но не сбылось. Небритый метис что-то забубнил в телефон, зажимая рот и трубку. Слова не различались, но, судя по побелевшим скулам, он не просто говорил, а требовал. Сунул телефон в кармашек сумочки, бросил спутнице несколько слов. Женщина кивнула, но нервничать не перестала. Основания к тому имелись. Происходило что-то тревожное. Несколько раз она вставала, вытягивала шею и, закусив губу, пристально глядывалась в заднее окно. Блондинка не выдержала и тоже привстала – и не только она. Автобус догонял черный джип с тонированным лобовым стеклом. Мощный, устрашающий, уж никак не «паркетник» – король асфальта и

обочин. За внедорожником катилось облако пыли. Других участников движения не наблюдалось – грунтовка была пустынной. Женищина стащила очки и что-то прорычала по-испански. Мужчина напрягся. Через несколько секунд внедорожная громадина с полуметровым клиренсом и значком «Шевроле», прерывисто гудя, обогнала автобус, затормозила метров через пятьдесят, вынеся вбок «корму» – было слышно, как визжат тормоза. Она загородила проезжую часть. Водитель автобуса, испуганно вскричав, утопил педаль тормоза. Автобус затрясся, пассажиры загалдели, заплакала девочка, мечтавшая остаться в отеле. Мулатка, смертельно побледнев, схватилась за поручень.

– Водила, ты, сука, охренел?! – орали похмельные парни на галерке.

Автобус остановился, не доехав метров тридцати до джипа. А там уже отворялись двери...

– Ой, мамочка, что-то мне страшиновато... – поежилась брюнетка.

– Но это не наши разборки, нет? – с надеждой глянула на нее блондинка. – Кажется, за парочкой кто-то гонится... Полагаю, одно из двух – либо они преступники, а в джипе полиция, либо в джипе преступники, а они... О боже...

Блондинка не договорила. Прозвучал громогласный индейский вопль. Он заглушил испуганные крики пассажиров. Мужчина в черных очках, размахивая сумкой, рвался по проходу. И блондинке вторично досталось за эту поездку – уже

не по шляпке, а по голове. Она вскричала от боли, схватилась за голову. А горячий индейский парень, не подумав извиняться, скатился со ступенек, что-то гаркнув ошалевшему водителю. Спутница хрипела ему в затылок. Потом отпрянула, кинулась обратно к своему месту, стала рвать за стежку на сумке...

Отвешивая тумаки и затрешины, его доставили в голую комнату, где имелись только два табурета и стол с настольной лампой. Усадили и ушли – погасив свет и заперев дверь. Мол, живи как знаешь. Он корячился на скользкой табуретке в крошечной темноте – голова раскалывалась, сознание меркло. Все моральные и физические силы уходили на то, чтобы не свалиться в обморок. Руки были скованы за спиной наручниками. Он мог от них освободиться, но для этого требовался ряд условий: ясная голова, «подсобные материалы» и четкое видение перспектив. Перспектив не было, не говоря обо всем остальном. Он боролся с болью, отчаянием, тоской, пытался что-то напевать. А за бетонными стенами смеялись люди, звенела посуда – полным ходом работали «господа полицейские», успешно прошедшие переаттестацию – достойнейшие из достойных.

Он понятия не имел, сколько времени провел в этом каменном мешке – в колючей темноте, в парализующей позе. По прошествии времен открылись ворота ада и пришел Дьявол...

Скрипнула дверь, и прошептали с издевательскими нотками:

– В черной-черной пещере...

Вошли, мягко ступая, несколько человек. Слух остался

при нем, арестованный подобрался. Трое или четверо. Мозг не чувствовал назревающего удара по загривку, но расслабляться не стоило.

– Сидит и молчит, – продолжал глумиться остряк. – Интересно, о чем он думает? Задается вечными вопросами: кто я? Зачем я здесь?

Арестованный молчал. Его легонько потрепали по плечу:

– Эй, мы говорим с автоответчиком?

Яркий свет ударил в лицо. Он ждал и все же не успел зажмуриться. Радужные черти заплясали в глазах, раскаленный электрод пробил насквозь череп... Скрипнул табурет, кто-то сел за стол. А над затылком выразительно кашлянули:

– Ускорить, Сергеич?

– Успеем, сержант, не гони лошадей. Тебе бы только руки распускать, Анохин. Вот скажи, откуда в мире столько злобы и жестокости?

Трое засмеялись – значит, всего их четверо. Зачем так много? Хотя, возможно, у парней обед, решили размяться.

– Ладно, заткнулись. – Офицер полиции, чье лицо по-прежнему пряталось в тени, а хищные пальцы с грубыми ногтями сжали ручку и зависли над бланком допроса, вкрадчиво сказал: – Итак, продолжаем. На новом месте, но с прежней принципиальной настойчивостью.

– В любом месте веселее вместе, – подал голос зависший над головой «кулак правосудия». Острие блюститель законности не умел, но хотел научиться.

– Ну, можно и так сказать, – допустил «распорядитель». – И так, задержанный – Куприн Андрей Николаевич, семидесятого года рождения, москвич, адрес: улица Полевая... если паспорт нам не врет... дом такой-то, квартира такая-то... задержанный за то, что в понедельник 15 августа цинично избил работников полиции, выполняющих свои служебные обязанности...

– Они не выполняли свои обязанности, – процедил сквозь зубы задержанный, и ручка, зажата в руке, дрогнула, шарик постучал по бланку. – Ваши ублюдки были в штатском... и если под выполнением служебных обязанностей понимать избиение незащитной девушки в подворотне... Черт, эти изуверы просунули ее голову между прутьями решетки и сонную артерию пережимали!

И все же нашло ребро ладони своего героя. Такое ощущение, что в голове разбилась стеклянная банка, а осколки впились в мозг. Он застонал, уронил голову.

– Спасибо, Анохин, – сухо поблагодарил офицер. – Но в другой раз давай без самодеятельности – учись улавливать волю начальства. Я слышал, ты бывший десантник, Куприн? Служил себе, геройствовал, и вдруг что-то пошло не так. Из армии с позором выставили, запил, разнюнился, но кулаками помахать перед носом представителей законности пока еще горазд, так? Ах, прости, Андрей Николаевич, ты, наверное, обиделся – ведь бывших десантников не бывает, как же я забыл? Так же, как бывших шпионов, чекистов...

– Он, наверное, не десантник, – проворчал стоящий справа, и чуткое ухо уловило его координаты. – Так, дешевая китайская подделка.

Засмеялся стоящий слева – и его координаты отложились в голове.

– Короче, Куприн, – ручка хлопнула по столу, – надоело переводить на тебя бумагу. Признаешься в умышленном нападении на сотрудников полиции – и мирно топаешь в камеру спать. Бить не будем... может быть. Во всяком случае, наш отдел об тебя руки марать не будет. Отсидишь четыре года за причинение тяжких телесных повреждений, а это немного за две сломанных руки и испорченную носовую перегородку сотрудников полиции – согласишься? Не признаешься... Имеется парочка подходящих «глухарей» – и техника исполнения схожая, и почерк... это не ты, кстати, был? Ах, ты же у нас не грабитель... В общем, руки чешутся, сам понимаешь, но мы ведь честные менты... прошу прощения, копы, не хотим вешать на человека чужого. Так что решай. Альтернатива – «чирик» строгого режима, а то сокращается что-то поголовье лесорубов в этой стране. Думай, Куприн. Будущее зависит от тебя, – не преминул съехидничать офицер.

Воцарилось интересное молчание.

– Браслеты снимите... – прохрипел арестованный.

– Что-то голос у него изменился, – подметил тот, что слева.

– А автограф поставишь? – ухмыльнулся офицер.

Человек в наручниках молчал. Офицер придвинул лампу поближе, принялся изучать лицо. Но тот уже не жмурился. Зеленые глаза, окруженные сеточкой мелких морщин, безучастно созерцали пространство. Продолговатое скуластое лицо, высокий лоб под короткими русыми волосами, двухдневная щетина, отнюдь его не портящая. Портили человека синеватые мешки под глазами и землистая бледность, придающая лицу «очарование» мертвеца. Под носом запеклась кровь, рукав приличного спортивного пиджака был порван с мясом.

– Я повторяю свой вопрос, – как-то неуверенно произнес ведущий допрос. – Ты подпишешь показания, Куприн? Всего лишь подпись на чистом бланке, а мы потом заполним – чего тебя мучить?

«Боятся, твари, – злорадно подметил арестант, и хищная ухмылка осветила сумрачное лицо. – Даже в браслетах боятся».

– Итак...

– Да пошли вы по адресу... – Он сник, расслабился – во всяком случае, так казалось.

– Анохин!

И вновь тяжелый удар – он ждал его, готовился и все равно вздрогнул, уронил голову. Атака в левый бок, в правый – подключались свежие силы. Он терпел – научился этому за годы службы на благо государства. А садисты получали

удовольствие, посмеивались, наращивая силу и темп ударов, входили в раж.

– Не убейте его, – предупредил офицер. – Ну, хватит, парни, хватит, увлеклись вы что-то. Хватит, говорю!

– Клиент готов, товарищ капитан, – тяжело дыша, доложил тот, что слева. – Скоро оклемается, не волнуйтесь.

– Клиент в глубоком коматозе, – хрюкнул тот, что справа. – Да ничего ему не сделается, товарищ капитан.

– Придуривается, сука... – прохрипел стоящий сзади и ударил ниже шеи сцепленными в замок руками. Потом схватил «клиента» за волосы, задрал ему голову, прошипел в изъеденное бледностью лицо: – Что, дружище, это тебя не убивает, а делает сильнее?

Он даже не догадывался, как он прав. Все произошло так быстро, что «господа полицейские» не успели опомниться. Мараться не хотелось, но Андрей поборол брезгливость – схватил садиста скованными за спиной руками за причинное место и так сжал, что у того под штанами, похоже, все лопнуло, а «пострадавший» взвыл белугой! Полная потеря ориентации. Он согнулся пополам, а когда искореженная физиономия оказалась на уровне затылка арестанта, тот отвел голову и что есть мочи врезал затылком по переносице. Полицейский свалился как куль – и их осталось трое. Андрей отпрыгнул вместе с табуретом, каблуком подцепил столешницу и с силой оттолкнул от себя. Стол поразил офицера в грудину, тот вякнул по-бабьи, задохнулся – и все повалилось на

пол в ужасном беспорядке: стол, табуретка, настольная лампа, сотрудник полиции, проводивший допрос... Двое метнулись к арестанту, возмущенно галдя, но его уже не было в этой точке – отъехал. Кувырок через спину – с мобилизацией всех мышц, с падением табуретки – он смог, мужик еще крепкий, ведь в сорок всё только начинается! Трудно зафиксироваться вертикально, если руки скованы за спиной. Он крутанулся на носке, проделав танцевальное фуэте, вмазал ногой в живот и только после этого отлетел к стене, чтобы она его поддержала. Грохот тела возвестил, что «выстрел» был не «холостой». Матерящееся тело метнулось к двери – он различил силуэт, упавшая лампа не разбилась, продолжала гореть; разрывая жилы, буквально на пределе, он бросился наперерез. Не уйдешь, дружище, учишься отвечать за свои поступки... Повалился под ноги, тот споткнулся, треснулся о дверь, а сообразив, что уйти не удастся, решил вцепиться в арестанта, но тот куда-то откатился, а когда он встал на колени, шаря руками, разящий удар каблуком в переносицу опрокинул навзничь...

Арестант привстал на локтях, прислушался. За стенами было тихо – неплохая звукоизоляция в этом подвале. Сколько же почек тут отбито нормальным людям...

– Именем Российской Федерации, как говорится... – прошептал майор десанта и затрясся в беззвучном смехе. Самое время посмеяться. Он сделал все возможное, чтобы остаться пожизненным инвалидом за решеткой – надо же быть таким

олухом...

Андрей встал, привалился к стене и, постанывая, проделал «комплекс упражнений», позволяющий перевести скованные руки из положения «за спиной» в положение «перед собой». Появилась пара степеней свободы. Он доковылял до лампы, поднял ее, осветил пространство. Поработал он на славу. Двое не шевелились, но когда-нибудь начнут. Майор десанта прекрасно знал, что такое убить, а что такое вывести из строя. Пораженный в живот обливался рвотой, пытался привстать, но руки не слушались. Офицер лежал под перевернутым столом – он мог подняться, но благоразумие торжествовало – нужны ему дополнительные увечья? Майор опустился перед офицером на колени, обхлопал брючные карманы, извлек ключи от наручников, освободился, размял затекшие запястья.

– Ты труп, сука... – прохрипел «полисмен» и исторг такую заковыристую руладу, что Куприн недоверчиво покачал головой – надо же, какой великий и могучий...

– Бесполезно, приятель, – пробормотал Андрей. – Я был везде, куда ты меня посылаешь. И заруби на носу – как бы ни ломала жизнь майора Куприна, он никогда не спивался. Выпивал – это бывало, в меру выпивать – дело святое, но никогда он не топил свои проблемы в водке. Так что используй в дальнейшем только проверенную информацию, договорились?

Тот снова начал материться, и Андрей не выдержал –

злость взяла. Треснул офицера по челюсти – и тот заткнулся. Всмотрелся – нормальный такой технический нокаут. Принюхался – фу, приятель, да ты благоухаешь, как ночная ваза...

Пошатываясь, он выбрался в соседнее помещение – место отдыха «дежурной» смены истязателей. Стол, стулья, ржавый «умывальников начальник», оснащенный зеркалом и вафельными полотенцами. Андрей сполоснул лицо, устался на тоскливого мужика в зазеркалье, влетевшего по полной программе. Вот так и проходит та самая «глория мунди». Что осталось от героя былых времен? Тоскливые глаза, щетина, на макушке что-то невообразимое...

– Мудрость покинула тебя, о великий вождь, – поставил он в известность отражение и принялся расчесываться пятаерней. – И не дело тут изображать из себя несчастного. Кто бьет, тому не больно, помнишь?

Андрей шел по коридору, стараясь не гнуться – хотя давило к земле со страшной силой. Кто-то высунулся из двери, смерил его удивленным взглядом, но занят был – не стал разбираться. Поднялся по лестнице, вежливо пропустил двух людей при погонах – те возвращались с обеда, дожевывая и энергично общаясь. Пошел по коридору районного полицейского отделения. Сновали люди, хлопали двери. Улыбнулся миловидной даме, старшему лейтенанту – ей очень шла полицейская форма. Женщина удивилась, посмотрела ему вслед, пожала плечами. Покосились сержанты из пат-

рульно-постовой службы, топающие по своим делам. Куприн добрался до застекленной комнаты дежурного. Пять шагов до распахнутой входной двери – там смеялись полицейские, пыхтели под парами машины. Глупость, он не уголовник, он не должен пускаться в бег. Да и злость из головы практически выдуло. Он терпеливо дождался, пока от окошка отклеится возмущенная девушка, уверенная, что у нее где-то в транспорте (а может, и не в транспорте) украли новенький айфон. В полицию-то зачем пришла?

– Слушаю вас, – вопросительно уставился дежурный капитан. Личность «просителя» была знакомой (еще бы, два часа назад этого типа волокли по коридору), но быстро ориентироваться в закоулках памяти он не умел. – У вас тоже что-то украли?

– Веру, – улыбнулся он. – В торжество справедливости. Куприн Андрей Николаевич. Задержан за избивание сотрудников полиции, превысивших свои полномочия. По ходу допроса подвергся пыткам, был вынужден защищаться. Четверым сотрудникам требуется срочная медицинская помощь – они внизу, в пыточной... – И когда у дежурного от удивления вытянулась физиономия, рука машинально потянулась к кобуре, другая – к «тревожной» кнопке, добавил с ироничной улыбкой: – Капитан, я не пытаюсь сбежать. Но давайте договоримся – никакого рукоприкладства, хорошо? Мы проживаем в правовом государстве, нет? Несколько минут назад я звонил влиятельному человеку в правительстве Москвы, ра-

деющему за высокоморальный облик наших органов и имеющему хорошие отношения с начальником столичного ГУ-ВД – вы же не думаете, что имеете дело с бомжом? Дело на контроле, так что посоветуйте следователям и их подручным вести себя прилично. А «отличившихся» в подвале нужно уволить – вы же не хотите, чтобы ваше отделение подверглось заслуженной порке?

Он не верил в благоразумие «отдельных» сотрудников полиции. Но самое смешное заключалось в том, что с этой минуты его не били. От греха подальше – время сложное, повсюду проверяющие, докладные в главк летят, как перелетные птицы по осени. Да и где искать этот телефон, с которого арестованный якобы звонил? Вдруг и вправду звонил – парень непростой, в прошлой жизни мог якшаться с хозяевами мира. Его швырнули в одиночную камеру – на срок все равно наработал, а теперь еще и с прицепом. Шли часы, возможно, дни, его кормили, допросами не развлекали, в «пресс-хату», набитую урками с чешущимися кулаками, не приглашали. Ему было без разницы, с прошлой жизнью покончено, грядущее вырисовывалось в декадентских тонах – можно считать, что это нормально. Он валялся на скрипучей шконке, спал, равнодушно созерцал ободранный потолок, временами вскакивал, разминал затекшие мышцы, дубася кулаками воображаемого противника...

По прошествии веков заскрежетали острожные запоры, и,

подвывая на утробной ноте, отворилась дверь.

– Куприн, на выход, – равнодушно молвил надзиратель.

«Вот и кончились твои сто лет одиночества», – подумал сиделец, открывая глаза.

Комната, куда его доставили, не отличалась роскошеством интерьера и глубоко продуманным дизайном. Но на окне стояла гортензия в горшке, а стены недавно красили. За столом сидел человек и терпеливо ждал. Уставился исподлобья на вошедшего, проследил, как надзиратель запирает дверь с обратной стороны.

– Доброе утро, Андрей Николаевич, присаживайтесь.

– Да идите вы в задницу со своим добрым утром, – проворчал арестант.

Посетитель поморщился:

– Вам не хватает выдержки и такта, Андрей Николаевич.

– А мне всегда чего-то не хватает...

– Очень жаль, что вы так грубо начинаете беседу, еще не зная, о чем пойдет речь, – вздохнул мужчина. У него был тихий взволнованный голос. – Может быть, вы успокоитесь и мы начнем все заново? Доброе утро, Андрей Николаевич.

Утро было не добрым, ну, ладно. В конце концов, посетитель прав – он должен держать себя в руках. Если он в плену у государства, это не значит, что государство теперь будет думать за него.

– Здравствуйте, – пожал он плечами и сел. – Следует понимать, что теперь вы ответственный за базар?

– О, нет, что вы, Андрей Николаевич, – решительно отверг «навет» незнакомец. – Я здесь в некотором роде частное лицо, не имею отношения к правоохранительным органам и не собираюсь выяснять меру вашей вины...

Куприн всматривался в лицо посетителя и с некоторым удивлением отметил, что не испытывает к нему отрицательных вибраций. Господин был прилично одет, ему было далеко за пятьдесят – седоватые, аккуратно уложенные волосы, густые брови, лицо волевое, на совесть выбритое, но глаза с грустинкой, а еще он сильно волновался, хотя и не спешил подавать вида. Руки господина покоились на столе, он нервно переплетал пальцы, тискал золотое колечко на безымянном пальце левой руки.

– Не знаю, возможно, вы меня когда-то видели... – Он откашлялся, и голос зазвучал ровнее. – Если смотрите, конечно, телевизор.

– Конечно, смотрю, – улыбнулся Куприн. – В наше время невозможно спрятаться от этого назойливого устройства.

– Ну, почему же, – пожал плечами господин, – в наше время многие прячутся в Интернете – там теплее, интереснее и удобнее.

– Вспомнил, – осенило Куприна, – вы крупный чиновник в правительстве Москвы, и ваша физиономия периодически мелькает в новостях. Вы пережили прежнего мэра, теперь грызетесь с нынешним, но это не мешает вам пользоваться влиянием и, я бы даже сказал, авторитетом.

– Не воруя, – сухо улыбнулся посетитель, – имею хорошую зарплату и... иные источники дохода, не входящие в противоречия с Уголовным кодексом. Впрочем, не собираюсь вас ни в чем убеждать, я прибыл не за этим. С удовольствием поболтаю, но давайте в другой раз. Ракитин Павел Федорович, – представился посетитель. – Это так, на случай, если вы забыли. А теперь о вас, Андрей Николаевич. Постарайтесь помолчать, а перебивать будете только в том случае, если я окажусь не прав. Убедимся в вашей личности...

– Позвольте, сразу перебую. Мое утверждение, что после общения с кучкой пренеприятных личностей я позволил своему знакомому в правительство Москвы... и ваше появление здесь – между этими событиями прослеживается связь?

– Не понимаю, о чем вы, – удивился посетитель. – Зачем вы звонили в правительство?

– Прошу прощения, продолжайте, Павел Федорович. Это так... в общем, глупости.

– Итак, Куприн Андрей Николаевич. Согласно собранной мной информации вы почти всю жизнь посвятили служению Родине в воздушно-десантных войсках. После окончания в 93-м году Рязанского военного училища поступили на службу в 7-ю гвардейскую десантно-штурмовую дивизию... имеющую приставку «горная». В том же году дивизию передислоцировали из Каунаса в Майкоп, затем в Новороссийск на территорию Северо-Кавказского военного округа, где она и

дислоцируется по сей день. Командовали взводом – несколько лет в звании лейтенанта, выполняли миротворческие задачи в Абхазии. С января 95-го по апрель 2004-го части вашей дивизии вели боевые действия в Кавказском регионе...

Андрей вспомнил, как шутили: посадили, дескать, в танк и отправили в Тмутаракань стрелять по туземцам.

– Вы сражались в Грозном – в самый отчаянный момент первой чеченской кампании, затем в горах – в Веденском и Шатойском районах. Были трижды ранены, но после лечения вновь вставали в строй. Дважды бежали из плена – и каждый раз ваши побегі сопровождали огненные фейерверки и многочисленные вражеские трупы... Вам смешно, Андрей Николаевич?

– Простите, Павел Федорович, но вражеские трупы меня никогда не сопровождали... Продолжайте, не обращайтесь внимания, так приятно вас слушать.

– У вас несколько наград – за мужество и героизм, проявленные в контртеррористической операции на Северном Кавказе. Последний орден – «За военные заслуги» – вам вручил лично тогдашний командир дивизии генерал-майор Кривошеев Юрий Михайлович. В 98-м году вам присвоено звание капитана, в 2002-м вы стали майором и были назначены командиром десантно-разведывательного батальона в составе дивизии, на счету которого немало славных дел. В 2004-м, после формального окончания боевых действий и вывода основного состава дивизии к местам постоянной дис-

локации, вы написали рапорт и отстранились от командования батальоном. Вы предпочли инструкторскую стезю – то есть в вас решительно отсутствовали карьерные устремления. Но на этом ваша героическая летопись не завершилась. 2005 год – секретная операция в Сирии, закончившаяся ликвидацией влиятельного лица арабского происхождения, поставлявшего боевикам на Кавказе оружие и наемников. 2006 год – уничтожение склада с героином в Таджикистане и блестящая засада в горах: разгром крупной банды наркоторговцев и перекрытие канала, по которому наркотики поступали в Россию. 2007 год – освобождение группы российских граждан из Ирака: американцам было плевать, и ваши люди не особо церемонились. 2008-й – памятная война в Южной Осетии. Окружение и разгром малыми силами натасканного натовскими специалистами грузинского батальона... Вы интересный, способный и разноплановый человек, Андрей Николаевич. Решительность в вашей натуре сочетается с гибкостью, вы никогда не действуете наобум, всесторонне развиты, умны, обладаете аналитическими навыками, образованны. Сколько языков вы знаете, помимо русского, – два, три?

– Английский и немного испанский, – смутился Андрей. – Мама преподавала последний в университете, в детстве меня просто замучила...

– У вас имеется способность перевоплощаться, если требует обстановка. Актерские данные – в чем не раз убеждались ваши коллеги. Умение мимикрировать, таиться перед

нанесением удара. Вас прозвали Лешим – прозвище оправданное. И не говорите, что навыки утеряны, – не верю. Вчерашний случай в пыточных казематах – весомое тому подтверждение.

– Вы так много обо мне знаете, – ухмыльнулся Андрей.

– Я даже знаю, почему вы стали десантником, – отрубил Ракитин, покрываясь легкой бледностью.

– Ну-ка, любопытно будет послушать...

– Это грустная история, о которой мало писали. В июле 69-го года парашютно-десантной роте 108-го гвардейского полка 7-й воздушно-десантной дивизии поставили задачу перелететь из Каунаса в Рязань. Планировался смотр перед министром обороны Гречко. При подлете к Калуге самолет, в котором находилась вся рота и командование батальона, столкнулся с пассажирским «Ил-14». Оба самолета упали, никто не выжил. В числе погибших офицеров ВДВ находился ваш отец – капитан Куприн Николай Ильич. На месте катастрофы впоследствии установили памятник. Вы были зачаты за несколько дней до этого – ваша мать с трудом пережила известие и больше не выходила замуж. Отец, которого вы никогда не видели, был для вас богом. Еще в детстве вы решили, что пойдете по его пути. Окончив училище, вы написали рапорт в ту же дивизию, ваша история умилила командование... Не сжимайте кулаки, Андрей Николаевич, зарядить в пачку пожилому человеку дело нехитрое. Я в чем-то не прав? Унижаю ваши высокие чувства? Ах, оставьте,

не такой уж вы ранимый. Позвольте вас добить? Жена, которой, по ее мнению, вы уделяли мало внимания, замутила интрижку с офицером воспитательной части, к которой вы были приписаны. Интрижка в духе Эмиля Золя – безудержное чувство, готовность пойти на преступление... Типичная история: для одних – испепеляющая страсть, для других – просто жена. Простите. Определенные личности решили сжить вас со света, им это удалось. Вас подставили под воровство боеприпасов, которого вы не совершали. Доказать обратного не смогли. Учитывая заслуги, вас просто уволили. Вы мааетесь уже два года, не в состоянии вернуть свое доброе имя. Маленькая квартирка в Москве, пенсия по выслуге лет, разочарованность в жизни, «временно не работаете»... впрочем, как и большинство проживающих в этой стране. Официальные чины от вас отвернулись...

– Вы собираетесь вернуть мне интерес к жизни?

– Почему бы нет? – пожал плечами Ракитин. – История, в которую вы попали, – форменная дурь. К сожалению, оперативники, вами искалеченные, были при исполнении, невзирая на отсутствие формы и нерабочее время. Но негодяи, тут вы правы. Девушка, над которой они издевались, – обычная девушка, а вовсе не связная между наркодельцами, что ей пытались инкриминировать. Виновная уже «закрыта», а непричастная особа выпущена. Но это не значит, что вам прощается избиение троих полицейских в подворотне и четырех – в отделении. Преступление, как ни крути, вы совер-

шили, и отвечать придется...

– Кто вам предоставил информацию обо мне? – перебил Куприн.

– Василий Егорович Полторацкий, – не смутился чиновник. – Бывший командир вашего полка и ваш товарищ, с которым вы поддерживаете связь. Хороший человек, он давно на пенсии. Дача Василия Егоровича находится рядом с моей, а выпить он по-прежнему любит – собственно, как и я...

Возможно, чиновник не врал – он смотрел на заключенного, не отрываясь, почти не моргая. Он его оценивал. А заключенный оценивал чиновника и по-прежнему не испытывал отрицательных эмоций.

– Имею предложение, Андрей Николаевич, – приступил к делу Ракитин. – Работа по вам – трудная, интересная, в привлекательном уголке земного шара. Риск прилагается – но вам ведь скучно без риска? Если согласитесь, закрывается уголовное дело – уж на это моих возможностей хватит – и на ваш счет поступает приличная сумма, крайне необходимая вам на данном историческом этапе. Эти деньги – аванс. По выполнении задания – окончательный расчет.

«Ты становишься солдатом удачи», – с удивлением подумал узник.

– О какой сумме идет речь, Павел Федорович?

– Сто тысяч. Не рублей. Впрочем, не обольщайтесь – и не евро. Половина – аванс.

«Не ворует, значит? – изумленно подумал Куприн. – Ах,

ну да, иные источники дохода...»

– Продолжайте, Павел Федорович. Но старайтесь поменьше сочинять, договорились?

– Я не сочиняю... – Скулы чиновника побелели, он уже не скрывал волнения. – Я буду говорить вам чистую правду, и не моя вина, что звучит она вздорно и фантастично...

– Вы уверены, что помещение не прослушивается?

– Да бог с вами, конечно, нет. В этой комнате задержанные общаются с адвокатами; если здесь найдут подслушивающее устройство, будет невиданный скандал... – И все же чиновник понизил голос: – Карибское море, Андрей Николаевич. Вест-Индия, Большие Антильские острова, остров Гаити, Доминиканская Республика, пальмовый рай...

«Бредит, – насторожился Андрей. – Но звучит гораздо лучше, чем полуостров Таймыр или Охотское море».

– Доминикану не следует путать с Доминикой, последняя – это небольшое островное государство в гряде Малых Антильских островов...

– Послушайте, Павел Федорович, я временами просматриваю географическую карту. А в Доминиканской Республике отдыхал три года назад, о чем вы должны знать, раз такой информированный.

– Простите... Это не словесный понос, Андрей Николаевич. Если так, то вы должны знать про особенности посещения этого островного государства – там отсутствует визовый режим для российских граждан. Вы приобретаете на грани-

це туристическую карточку за символическую цену и имеете право пребывать в стране тридцать дней. Нас интересует не остров Гаити, где находится Доминиканская Республика, а маленький остров Эстрема, расположенный к югу от нее. Если по карте провести прямую линию вниз от южной границы государств Доминиканы и Гаити, то мы упремся в этот остров. Девяносто километров по морю. Эстрема принадлежит доминиканскому правительству, но, в связи с близостью Гаити, там много законных и незаконных иммигрантов, что, собственно, не очень здорово... Размеры острова – семьдесят километров с севера на юг и примерно восемьдесят – с запада на восток. Красивая природа... как и везде на Карибах. Туристическая зона – это северное и северо-восточное побережья острова. Аэропорт Саргона, городок Аллеридо в заливе Сан-Лоренцо. Места считаются безопасными, развитая туристическая инфраструктура, полиция печется о безопасности приезжих – естественно, они ведь тратят такие деньги... Покидать пределы туристической зоны и нескольких точек паломничества туристов полиция и туроператоры настоятельно не рекомендуют. Остальная часть острова – глухая сельва, городки и деревеньки, где проживают... м-м, не самые обеспеченные слои населения. Приезжим об этом не сообщают, но население острова подвержено влиянию криминальных структур. Полиция срослась с мафией, государство на действия преступников закрывает глаза, хозяйничают банды. Особенно сильны позиции мафии

на юге острова – в городке Эркильо, расположенном в заливе Паркуэнца. Ничего оригинального – контрабанда оружия, прочих незаконных грузов, посреднические услуги в транспортировке наркотиков из Южной Америки в Северную... Так сложилось, что преступные группировки в туристическую зону не суются, туристы чувствуют себя в безопасности... вернее, чувствовали до недавнего времени. – Ракитин был уже нешуточно взволнован, достал носовой платок, промокнул лоб. – Пять дней назад на Эстреме пропал автобус с российскими туристами, Андрей Николаевич...

– Это как? – не понял Андрей.

– В буквальном смысле, – вздохнул чиновник. – Звучит глупо, но так и есть. Небольшой экскурсионный автобус направлялся из Аллеридо к местной достопримечательности – пещерам Рападора, расположенным примерно в центре Эстремы. Перевозил порядка пятнадцати-двадцати туристов, точное число неизвестно. Известно, что из Аллеридо он выехал, а до пещер не добрался. Полиция туристов не сопровождала – хотя должна была. Ответственным за поездку был не туроператор, а местное бюро экскурсий... которое через день закрылось, и все работники куда-то пропали.

– Чушь, – не поверил Андрей. – Ведь это не иголка. А родственники, друзья пропавших – неужели никто не поднял шум? А российские дипломаты?

– Согласен, полная чушь, – вздохнул Ракитин, – но факту от этого не легче. Такое ощущение, что автобус просто про-

валился в пространственно-временную дыру. Никакого шума, никаких следов... Просто мистика. Пропажу засекретили. Полиция уверяет, что ищет, но, похоже, ничего не делает. Любые попытки разобраться в ситуации натываются на бетонную стену. Разговоры и попытки протолкнуть информацию пресекаются. Ни в газетах, ни в Интернете... Очевидцев нет – некому рассказать, что случилось с автобусом. А если кто-то знает, то испуганно помалкивает. Есть такое понятие – международная мафия, Андрей Николаевич. И если ей что-то надо... Дошло до того, что полицейские и городские власти просто уверяют, что никакого автобуса не было! Другие злорадствуют: мол, нечего пользоваться услугами местных агентств, лучше доплатить и пользоваться надежными поставщиками туристических услуг. Российское консульство таинственно помалкивает. Власти стыдливо делают вид, что ничего не знают. Автобус с туристами действительно не иголка... но исчез, как корабль в море. Родственникам пропавших обещаны крупные компенсации – при условии, что будут помалкивать. Им просто затыкают рты. Почему компенсации – ведь не найдено никаких тел! Кто-то знает, что все мертвы? И кто выплачивает эту компенсацию? Не государство, не страховые компании... По моей информации, люди требовали объяснений – приходили соответствующие личности и проводили работу. Мол, компетентные органы во всем разберутся. А будете шуметь – вам же хуже. Муж одной из пассажирок, не поехавший в тот день на экс-

курсию, поднял шум, рассказал о случившемся в социальной сети, а также о том, как ему затыкали рот. Страничка была удалена... и такое ощущение, что вместе с пользователем. Представляете, какая глупость? Официально экскурсии как бы не было, водитель «левый», путевку не отметил, гид формально на работу не устроен – и вообще, этого «туманного» агентства больше не существует, спросить не с кого! В Аллеридо ежедневно десятки подобных экскурсий, факт поездки легко утаить. Свидетели ошибаются – они видели другой автобус, у них разыгралось воображение. Понимаете, Андрей Николаевич, такое впечатление, будто причастные к этому ужасу чего-то выжидают, решают. Правда вылезет, но когда? В автобусе были люди – что с ними? Время уходит, возможно, кто-то еще жив... – Обливающийся потом чиновник взялся за сердце, и Андрей забеспокоился – он может накрутить себя до инфаркта. – Не хочу вам раскрывать свои источники информации – поверьте, они надежные. Автобус с туристами действительно пропал. Он начал собирать туристов у отеля «Парадизус Гольфо», проехал еще по нескольким отелям, а потом начал выбираться из города...

– Допустим, я поверю, Павел Федорович, – перебил Андрей. – Но вам, простите, зачем это нужно? Вам-то какой интерес? Вы чиновник в правительстве Москвы, я вас почти не знаю, но охотно верю, что вы порядочный, сердобольный и жалостливый человек. Но – давайте честно – какое вам дело до пропавших российских туристов, которых вы не знаете? А

еще меня смущает сумма, с которой вы готовы расстаться...

– Одного из туристов я знаю... – Голос чиновника задрожал. Он извлек из портмоне цветное фото и осторожно, словно боясь нанести вред изображенной на снимке девушке, положил перед Куприным. – Это моя дочь. Ее зовут Юля, ей двадцать восемь лет, фамилия Соснина – по мужу, с которым она рассталась шесть лет назад...

Он угрюмо всматривался в запечатленное на фото чудо природы. Игривая поза перед классическим камином, лукавая улыбка, пышные каштановые волосы, фигурка что надо, и глаза – ну особенно хороши...

– Не надо облизываться, Андрей Николаевич, – мрачно вымолвил Ракитин, – эта женщина не для вас.

«Тем более что она наверняка мертва», – мысленно продолжил Андрей.

– Простите, Павел Федорович, – естественная реакция, заложенная природой.

– Я оплатил Юле поездку, но сам с ней поехать не смог – много дел, да и незачем ее смущать... пусть отдыхает. – Глаза чиновника наполнились слезами, он отвернулся. – Матери у Юли нет, один я... Но это неважно. Мы поддерживали телефонную связь. Пять дней назад она позвонила, отчиталась, что ждет у отеля «Парадизус Гольфо» автобус – собирается в поездку в знаменитые пещеры. Больше не звонила, телефон заблокирован. Я начал волноваться, наводить справки, связался с ее соседкой по номеру... номер двадцать четыре.

Девушка не была ей подругой, но отношения у них были хорошие – волновалась, сказала, что автобус не вернулся, Юли нет. Переживали и те, у кого уехали на экскурсию знакомые и родственники. Информация отсутствует, руководство отеля и представители туроператора «Розмари-тур» не в курсе этой поездки. В фирме «Алавер», которой принадлежал автобус, не берут трубку. А потом эта девушка перезвонила мне, голос у нее был испуганный, сказала, что информации по-прежнему нет, она уезжает домой. А я даже не знаю, откуда она! Больше не звонила, телефон молчит. Я начал наводить справки, обрывать телефоны посольства и консульства... Глухая стена, Андрей Николаевич.

– Но вы же такой влиятельный, Павел Федорович...

– Я влиятелен, чтобы вытащить вас из кутузки. – В голосе чиновника прорезалась злость. – Во всем остальном моя влиятельность – это мыльный пузырь. Я в панике, Андрей Николаевич. Готов отдать последние деньги. На официальные структуры надежды нет. Я прошу вас съездить на Эстрему и без шума провести расследование. Фотографию возьмите с собой. Я должен знать, что случилось. Деньги значения не имеют. Если моя дочь... мертва, я должен знать об этом точно... и сам ее похороню. – Андрей не выдержал, отвел глаза – своих слезоточивых драм с избытком.

– Но почему именно я, Павел Федорович? Существуют и более уместные кандидатуры.

– Вы лучший, – отмахнулся Ракитин, – я навел о вас

справки. Вы не супермен, не супергерой, у вас имеется масса недостатков, но... вы лучший. Умение драться и стрелять – не определяющее. Кто раскрыл окопавшегося в штабе 34-го полка осведомителя Басаева в 2000 году? Блестящее расследование, Эркюль Пуаро и мисс Марпл сохнут от зависти. Кто по следам на тропе в Горном Бадахшане вычислил прохождение каравана с наркотиками и устроил засаду в том месте, где никто ее не ждал?... Обвинений не будет, Андрей Николаевич, я обо всем договорился. Вас освободят часа через три – со всеми, так сказать, почестями и потрохами. Вернут документы, телефон и все изъятые деньги. Времени нет, я устрою вам горящую путевку, вылет послезавтра, билеты электронные – с ними без проблем, отель «Парадизус Гольфо»... хотелось бы раньше, но раньше, увы, не получится. За сутки вы должны стать тем, кем были раньше. Связь по телефону. Ближе к делу я перезвоню и дам координаты людей, на которых вы сможете положиться в Аллеридо, и номер человека в посольстве, который... не последняя сволочь. Понимаю, что одному работать сложно, нужны помощники, нужно прикрытие. Если хотите, наберите команду – рекомендаций не будет, сами знаете, как это делается. Никаких советов, контроля – работайте так, как считаете нужным. Аэропорт Лас-Америкас в Санто-Доминго – неплохое местечко, но вы полетите в Пунта-Кана – это на востоке Доминиканской Республики. Компания «Эр-Франс». Из Пунта-Кана самолетом местных линий – в аэропорт Саргона на Эстреме. Вы турист,

у вас своя группа, будет трансфер до отеля. Летите один. Если соберете своих – пусть добираются своим ходом, я могу забронировать несколько мест на другие рейсы...

«А ведь назревает Карибский кризис», – вдруг подумал Андрей. Просыпался азарт. Грядущая поездка – что угодно, только не развлечение. А вдруг он сможет что-то изменить в своей жизни... если остров Эстрема его не похоронит? Но тоже неплохо, он согласен умереть в пальмовом раю.

– Напомните, Павел Федорович, какое сегодня число? – Зачесался лоб, он принялся усердно его растирать. Что творится в его голове?

Ракитин посмотрел на него как-то странно:

– 17 августа, среда. Не хотелось бы думать, Андрей Николаевич, что я совершаю ошибку...

– Мне бы тоже не хотелось так думать... все в порядке, Павел Федорович, бывает. Старость, знаете ли, не за горами... Несколько условий, – сменил он тон на деловой, – Очень жаль, но они не обсуждаются. Двести тысяч. С учетом того, что делить придется на несколько голодных ртов, это немного. На билеты – отдельно. Отдельные карточки «Виза» – на расходы. Никаких авансов – вся сумма поступает на счет сразу, и по выходе на свободу с чистой совестью я должен иметь возможность ею полюбоваться. Не смотрите – если вы навели обо мне справки, то знаете, что майор Куприн – партнер надежный, деньги отработает... правда, результат никто не гарантирует. Запишите реквизиты счета.

Чиновник выхватил телефон, выжидающе уставился на собеседника. Андрей продиктовал вереницу цифр.

– Как вам удается это запоминать? – поразился чиновник.

– Пустяки, – усмехнулся Андрей, – здесь всего семьдесят три цифры. Давайте свой номер... – Он впитал с закрытыми глазами несложную комбинацию. – Сеанс окончен, Павел Федорович?

– Окончен, – шумно вздохнул «влиятельный» столоначальник. – Я буду молиться, Андрей Николаевич, что вы найдете Юленьку живой...

Родина не балует своих защитников – он многократно в этом убеждался. Судьба разбросала, одни остались в Российской армии, другие ушли на гражданку и отнюдь не процветали, третьи закончили свое брренное существование... Он прекрасно понимал, что звонить с городского или сотового неразумно, вооружился записной книжкой, купил несколько карточек, распахнул память и уединился на три часа в кабинке таксофона на Павелецком вокзале. А на следующее утро были радостные слезы, веселые матерки, объятия до хруста в костях, поток сознания с элементами «соплей» и воспоминаний. А потом вдруг стало тихо – угомонились разгоряченные сердца. Четверо мужчин сидели в дальнем уголке мало-посещаемого кафе на Нагорной улице и недоверчиво, с сомнением, даже с некоторой угрюмостью разглядывали друг друга. Деньги на счету уже лежали, но это не было основа-

нием для душевного спокойствия.

– А я всё Родине служу, как преданный пес, – заявил самый молодой в компании, 29-летний Генка Тимашевский – остроносый, улыбчивый, чертовски обаятельный. На такого посмотришь и не скажешь, что офицер спецназа – рисковый, дерзкий, но, что характерно, с мозгами и всеми необходимыми предохранителями в лохматой голове. – Всё там же служу – в Войсках Дяди Васи. 45-й гвардейский отдельный полк специального назначения ВДВ. В Кубинке стоим – в Одинцовском районе. В прошлом месяце старлея дали – перешел на тренерскую... в смысле, на инструкторскую работу. Учим салаг всему – даже ломом плац подметать. Можешь рассчитывать на меня, Андрей Николаевич. Числюсь в двухнедельном отпуске, а у Ленки все равно месячные... – Генка без напряжения хохотнул. – Ей-богу, это не месячные, а квартальные какие-то. Стоило выбить долгожданный отпуск – как у нее и разверзлось... Такая вот миниатюра, блин.

– Счастливчик ты, Генка. Женщина под боком, работа любимая, – усмехнулся хорошо одетый, но сильно изменившийся не в лучшую сторону Рома Проценко. Был когда-то подтянутым, атлетически скроенным, а теперь отяжелел, мешки под глазами. Куда подевался элегантный капитан спецназа, плевавший на опасности и умудрявшийся выглядеть модным денди даже в трудном бою? Тридцать шесть лет – моложе Андрея! – А у меня дела хреновые, мужики, – пожаловался Проценко, отхлебывая пиво из кружки. – Уже

два года строю не хожу, на холодец пускать пора. – Он выразительно оттянул жировую складку на животе. – С армейки уволился, жена ушла, денег нету ни хрена – последние капли, сволочь, вытянула, так еще и должен остался...

– Терзает болезненное чувство долга, Ромка? – остроумно подметил Генка.

– Большого долга, – кивнул Проценко. – Как говорится, дайте мне три тысячи рублей, и я переверну мир... Не могу никак привыкнуть. Как штыком в самоуважение. Квартиру отсудила, снимаю комнату в подмосковном захолустье, удобств никаких, кроме одного – кладбище под боком, тружусь сторожем в тамошнем гараже... А-а, махнул на себя давно. – Он ударил кружкой по столу. – Даже пить не хочется...

– Но одет ты неплохо, – осторожно заметил Генка.

– А с этим все в порядке, – засмеялся Проценко. – Отыржка старой натуры. Тресни, но держи фасон, называется. Я ведь только перед вами в жилетку плачу. А для остальных у меня все хорошо – современная квартира, красивая жена, денег куры не клюют. Вроде и смысл в жизни есть – показывать другим, насколько я преуспевающий чел и как выиграл, покинув ряды несокрушимой и легендарной.

– Дела-а... – почесал небритую щеку четвертый присутствующий, тридцатипятилетний Алексей Крикун, похожий на рано состарившегося бычка. – Стыдно признаться, мужики, но я тоже ушел со службы. Как зацепило в 2008-м у

Цхинвала, отлежался в госпитале, нога практически не гнулась. Плюнул на все, завязал военную карьеру. Меня бы в любом случае в ВДВ не оставили. А идти в обычную часть – противно, разве это армия? Работаю охранником в каком-то фонде, хрюкаем помаленьку. Посещаю спортзал – в отличие от тебя, Ромка. Нога в норме, год уже не болит...

– Ты, кстати, похудел, – подметил Куприн. – Был размером со средний танк, а теперь так – с легкий.

– Это да, – засмеялся Генка. – Леху и свои, и чужие боялись. Кулаки пудовые, харя страшная, интеллект – ниже плинтуса. С таким если встретишься в темном коридоре, а еще не дай бог в окопе – преждевременная дефекация обеспечена.

– У самого у тебя харя страшная, – обиделся Крикун. – Мне подруга, наоборот, говорит, что я посимпатичнее стал, похорошел; можно теперь и замуж за меня без страха.

– Ну, если учесть, что было раньше... – задумчиво протянул Генка, и все расслабленно засмеялись, и Крикун в том числе, а потом дружно выпили.

– Налегать не надо на это дело, мужики, – предупредил Андрей. – Еще по пиву, и достаточно.

– Кстати, только я это заметил? – сказал Генка. – За столом во вшивой кафешке собрались те, кто выжил в том хреновом бою под Шатоем. Я был сержантом – два месяца до дембеля, ни о каком военном училище еще не помышлял, Леха Крикун контракт отработывал, а вы, товарищи офице-

ры... ну, офицерами и были. «Духи» лезли, как молоко из кастрюли, наших – кот наплакал. Если бы не те вертушки из соседнего полка, что свалились на «чехов», точно голливудская кавалерия...

– Аксютин тогда еще выжил, – мрачно бросил Проценко. – Без ноги остался. Сейчас побирается где-то в Тюмени.

– А еще Пургин, – прогудел Крикун. – Не любил его никто. Он и под пули-то без охоты лез. Дело свое открыл в Жуковском. Бизнесмен, едрена мама.

– А также старший лейтенант Ясиновский, – добавил Андрей. – Сшили парня в госпитале на живую нитку, молитвой оживили. Сейчас он мусорщиком в Лондоне, жалеет страшно.

– Но зато в Лондоне... – вздохнул Проценко. – Ладно, мужики, довольно лирики. Мы прослушали твое предложение, Леший – не знаю, как другие, а я лишь уловил про деньги, которые еще надо как-то получить. Давай еще раз.

– Деньги уже получены, – сказал Андрей, – остался пустяк – отработать их.

Он повествовал минут десять – неторопливо, подробно, чтобы уяснили и вчувствовались: предстоит не туристическая поездка в один из привлекательных уголков земного шара. Хотя...

– Деньги, в сущности, неплохие, – озвучил недодуманную мысль Генка Тимашевский, – я бы даже сказал, громадные. Опять же пальмы, солнышко, море. Ради этого можно за-

крыть глаза на тот бред, что мы сейчас слышали, – пропажа автобуса, битком набитого людьми, отсутствие следов, тотальное замалчивание инцидента... Я с тобой, Андрей Николаевич. Выбор очевиден, как говорят рекламные конструкции.

– Пятьдесят тысяч долларов... – Проценко схватился за голову и в ужасе уставился в пространство. Потом скептически поцокал языком и вздохнул.

– Не хватает? – с сочувствием справился Генка. И закончил под суровый мужской смех: – Это нормально, Ромка. Чем больше денег, тем ужаснее осознавать, что их мало.

– А это где? – задумчиво пробормотал не сведущий в географии (и не только в географии) Крикун. – Это там, где Гондурас?

– Ну, примерно, – допустил Куприн.

– Вест-Индия, – вздохнул относительно образованный Проценко.

– Западная Индия? – поразился Крикун. – Вы чего, мужики? Я запутался – на хрена нам в Индию?

– Господи, Леха, – схватился за голову Генка, – ты когда-нибудь мозгами пользуешься?

– Никогда, – фыркнул Проценко. – Сила есть – ума не надо. Леха, мы едем на Карибское море. Где растут пальмы и плавают яхты с белыми парусами, где кокосы падают прямо в рот, а обнаженные мулатки приносят пиво в постель, а потом ведут тебя в ласковые волны – по белому песочку, ми-

мо черепах, лениво открывающих рты, мимо перламутровых ракушек, а над тобой в это время выются пестрые попугаи и что-то щебечут, щебечут...

– Монтана... – восхищенно прошептал Крикун, а остальные молчали, замороженные представленной картиной.

– Следует понимать, что никто не отказывается? – кашлянув, сбросил оцепенение Андрей.

– пляжные тапочки берем? – деловито осведомился Генка.

– А как у нас со знанием испанского языка? – спохватился Проценко. – Лично у меня плачевно. Только английский – в объеме программы начальных классов.

– С языком нормально, – уверил Андрей.

– А у меня и с русским-то не всегда, – сокрушенно вздохнул Крикун.

– Чакона хабанера, кабальерос? – неуверенно осведомился Генка и скорчил при этом такую потешную физиономию, что снова все прыснуло...

– Спасибо, Сережа, дальше я сам справлюсь. – Пожилой мужчина, побряхтывая, выбрался из респектабельного внедорожника, вставшего у витой ограды.

– Уверены, Павел Федорович? – спросил шофер.

– А то, Сережа, не маленький я уже. Подъезжай к семи утра. – Мужчина изобразил прощальный жест ладошкой и, сутулясь, побрел к калитке.

Шофер дождался, пока он справится со сложной системой запоров, подключенных к охранной сигнализации, прошуршит по галечной дорожке, поднимется на крыльцо солидного каменного дома. Охранная система последнего поколения отзывчиво среагировала на прикосновение пальца, замок утробно проурчал и отомкнул дверь. Мужчина перешагнул порог, дверь закрылась, и через несколько секунд загорелся светодиод, свидетельствующий, что «скромное» обиталище чиновника вновь поставлено на пульт. Шофер вздохнул и перевел рычаг трансмиссии. Джип медленно тронулся по узкой дорожке загородного поселка.

Чиновник жил один. Дома он показывался редко, трудился допоздна – не любил он свой дом, напоминающий о прошлом. Домработница ушла четыре часа назад, оставив после себя безупречный порядок. Он устал воевать с ней, доказывая, что лишние порядки – те же беспорядки. Противно временами – словно в гости приходишь. Он скинул плащ в прихожей, вытер ноги о влажный еще коврик и побрел на кухню.

– Дорогая, я уже дома... – Гнет проблем и неприятностей не влиял на чувство юмора. Из-за кухонной тумбы высунулась трехцветная кошка с забавными кисточками в ушах, мяукнула, зевнула и убралась обратно. – Сволочь ты неблагодарная, – пожурил ее чиновник и направился к лестнице.

Есть не хотелось совершенно – организм умолял лишь о стаканчике доброго виски. Он поднялся в просторный кабинет, перегруженный мебелью, включил торшер, поковырял-

ся у бара, организуя выпивку. Пристроил граненый бокал на журнальном столике и забрался в нижний ящик массивного бюро. Извлек папку с копией личного дела, потащился вместе с ней к креслу. Уселся, вытянув ноги, откинул голову – чуть не застонал от наслаждения. Несколько минут он просидел с закрытыми глазами, ни о чем не думая. Потом очнулся, вспомнив про виски под рукой. Выпил половину, щурясь от удовольствия, вернул бокал на журнальный столик и начал перелистывать папку. Чтение увлекло, он забыл о позднем времени, о недопитом виски – временами губы чиновника кривила усмешка. Спohватившись, он достал из кармана последнюю модель айфона, хотел кому-то позвонить, но, поколебавшись, передумал, положил телефон рядом с бокалом. Успеет еще позвонить. Снова погрузился в чтение.

Он не видел, как отогнулась тяжелая портьера, выскользнуло что-то легкое, невесомое, поплыло по комнате – как будто и ноги не переставляло. Он видел только то, что входило в освещенную торшером зону. Да и то сомнительно – он был поглощен чтением. Все уже знакомо, он неоднократно просматривал эти документы, но, как в любимой книге, всегда находил страницы, требующие повторного прочтения...

Он очнулся, когда не почувствовать присутствие постороннего было бы неприлично. Кожа обросла мурашками, он чуть не задохнулся от удушливого страха. Ущипнул себя в шею – может, спит? В паре метров колыхалось расплывчатое пятно. Он не видел в очках, кто стоит перед ним. Оч-

ки он использовал для чтения, обладая дальнотзорностью, в этих чертовых очках все, что было дальше метра, становилось нечетким и смазанным. Он поднял руку, чтобы стащить их с носа, но рука налилась свинцовой тяжестью, отказалась повиноваться. Страх растекался по членам, парализуя тело. Он задыхался, не мог продохнуть – словно заслонку поставили на пути в легкие.

– Вы кто такой?.. – прохрипел он, тужась, словно сидел на унитаза. И совсем запаниковал, услышав звук взводимого курка! – Черт... подождите... у меня же охрана... как вы...

Незнакомец ждал. Чувство извращенной эстетики было ему не чуждо. Он был отличным специалистом, но не из тех, что делают свою работу, не согласуя ее с нуждами и потребностями объекта. Чиновник уже все понял. Вихри закружились в голове, и из этого хаоса стали вываливаться яркие эпизоды из жизни – самые важные, ответственные. Кто сказал, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами? У него была такая длинная жизнь, она бы не смогла...

Незнакомец нетерпеливо вздохнул.

– Подождите же...

Чиновник сделал над собой титаническое усилие, дотянулся до бокала, пристроил ко рту. Жидкость рывками поступала в горло, зубы стучали о стекло. Он выдохнул, заморгал – разъедающий жирный пот залил глаза. Поставил дрожащей рукой бокал на место.

Прозвучал щелчок, и чиновник отбросил голову на под-

головник. Во лбу чернела дырочка, а под затылком уже текло по спинке кресла.

Контрольный выстрел не потребовался. Убийца нагнулся над телом, забрал папку с копией личного дела, увенчанной печатью Министерства обороны и прямоугольным оттиском «Совершенно секретно». Несколько минут он перелистывал ее под торшером, потом вернулся к началу, еще раз прочитал фамилию и имя фигуранта. Досадливо покачал головой, взял телефон убитого и принялся манипулировать клавишами. Со стороны могло казаться, что он удаляет SMS, скопившиеся за год. Потом извлек из кармана свой собственный телефон, вызвал абонента.

– Приветствую, Пал Палыч, – произнес он негромко. – Проблема решена, но что-то мне подсказывает, что мы решили не ту проблему. Смею предположить, у нас назревают неприятности... – Выслушал абонента на другом конце эфира, продолжал ровным голосом: – Решать ее придется вам и вашим людям. Все, что могу для вас сделать, – это передать информацию об одном любопытном субъекте. И предлагаю встретиться – это в ваших же интересах. Возможно, вы еще успеете...

В нужный час чиновник из правительства Москвы на связь не вышел. Приятный голос в телефонной трубке сообщал, что «абонент отключил телефон». Это было все, что угодно, но только не добрый знак. Дурные предчувствия тес-

нились в голове. Андрей вышел из тюрьмы, договорился с друзьями, у него есть деньги (сумасшедшие деньги!), он практически восстановился после общения с людьми в погонах. Но состояние было ужасное. Он должен ехать, он дал слово. «Ты уже не тот, что в прошлой жизни, – напомнил он себе. – Возвращайся быстрее в прежнее состояние, от этого зависит не только твое здоровье...» Андрей опасался всего – в том числе и мести со стороны правоохранительных органов. В своей квартире он пробыл не более получаса – покидал в сумку все необходимое, ушел через соседский балкон, повергнув соседа в недоумение... и радость – бутылка водки для поправки пошатнувшегося здоровья в этот час была не лишняя. Он шатался по магазинам, подбирая одежду, прибыл в аэропорт за четыре часа до отлета, делал вид, что дремлет в зале ожидания, а сам из-под бровей изучал обстановку. Неудобство с каждым часом усиливалось...

Красавец «Боинг», утомительный перелет через половину «глобуса», храпящий и потеющий толстяк на соседнем сиденье. Выплывал из дымки остров Ла Эспаньола – ныне Гаити. Несусветная жара в аэропорту Пунта-Кана, пересадка – слава богу, без несносных ожиданий. 50-местный «CRJ-100» канадской компании «Бомбардир» – красота под крылом неопишущая. Лазоревое море, группы коралловых островков, поросших зеленью. А если присмотреться, можно разглядеть паруса яхт – они шныряют между островами... Духота в аэропорту Саргона была не меньше, чем в Пун-

та-Кана. Климат на островах сырой – для курортной зоны еще ничего, но если соберется в джунгли, то надо хотя бы помолиться – желтую лихорадку достижения медицины пока не отменяли...

– «Розмари-тур», «Розмари-тур»! – словно уличные зазывалы, кричали молодые сотрудники туроператора в желто-белой «тропической» униформе. – Пожалуйста, отмечайтесь и проходите в автобус...

– Боже, ниспошли мне пиво... – бурчал долговязый, не первой молодости турист, оттирая Андрея, чтобы первым пробраться в автобус.

Иностранцев было много, но хватало и своих – во всяком случае, большинство из набившихся в автобус были россиянами. Он был уже в теме – собран, одет как надо – дурнее и не придумать. Мускулы «надежно» скрыты под немнущейся «мяткой», артистичная улыбочка идиота на устах – счастье-то какое, неужто я в раю...

Автобус мчался по гладкой дороге, покидая зону аэропорта. Проглядывало море за вереницами пальм и цветущих кустарников – настолько голубое, что сливалось с небом. Ворковала гид: заученные фразы отлетали от белоснежных зубок. Двадцать минут езды до залива Сан-Лоренцо, в котором и распростерся курортный Аллеридо, а там туристов будут развозить по отелям – согласно купленным путевкам. После обеда в каждом отеле появится представитель турфирмы, он и будет работать с отдыхающими до их последнего дня... Мы

находимся на Эстреме – это остров, образованный коралловыми рифами, он сравнительно мал, но необычайно красив, в чем у туристов еще будет возможность убедиться... А сейчас посмотрите направо, вы видите бронзовый памятник Педро Сантана Фамилиасу – известному деятелю Доминиканской Республики, ее первому, четвертому и восьмому президенту, а также первому генерал-губернатору в период оккупации страны проклятыми испанскими колонизаторами... А сейчас мы выезжаем из Саргоны, и посмотрите, пожалуйста, налево. Видите гору? Она нависает над морем и называется Коко Куадрато, что в переводе с испанского означает «Квадратная башка». Это местная «реликвия», и у туристов еще будет возможность записаться на экскурсию на ее вершину. Цена сравнительно невысока – всего лишь двести североамериканских долларов... Девушка увлеченно повествовала об экскурсионных маршрутах: дайвинг, виндсерфинг, прогулка на яхте, джип-сафари по горам, гастрономический тур по ресторанам Аллеридо, посещение вершины «Квадратной башки», потрясающая экскурсия в головокружительные пещеры Рападора...

Андрей сидел в середине салона – справа от прохода, раздраемый противоречиями. Все это было безумно красиво. Но тревога обосновалась в голове – он был под прицелом... Как такое возможно? И зачем тогда этот «камуфляж», дурацкая улыбочка на устах – если кто-то знает, кто он такой и зачем он здесь? Он развернул рекламный проспект с мас-

штабной картой острова, всматривался в очертания береговой полосы. По форме Эстрема напоминала морскую мину. Два внушительных «рога» на северо-востоке, между ними залив Сан-Лоренцо, а в центре залива городок Аллеридо – средоточие местной туристической индустрии, изобилующее парками, строениями колониальных времен, старинными фортами, шикарными пляжами, сорок тысяч постоянно-го населения, а в курортный сезон – не менее полумиллиона... Пещеры Рападора – примерно посреди «мины», а далее безопасная зона для приезжего обрывается. Между Аллеридо и пещерами – городок Чиогаро. Если далее против часовой стрелки вокруг пещер – населенный пункт с названием Маланча, еще на девяносто градусов – Касьерос. Еще на семьдесят – Алькабучо... Южная часть Эстремы изрезана бухтами, скалами, там повсюду коралловые рифы. Залив Паркуэнца, а чуть восточнее, в паре верст – городок Эркильо, восемь тысяч населения – местечко, если верить чиновнику Ракитину, контролируемое местными бандами...

– А вас не волнует, что к острову Гаити приближается ураган «Айрин»? – вдруг очнулся сидящий справа у окна – тот самый долговязый, что оттолкнул его у входа в автобус. – Да-да, передавали в новостях – сформировался из тропического шторма и уже на подходе. Ведь накроет нас, как пить дать накроет...

– А зачем тогда поехали? – удивился Андрей.

– Как! – вскричал турист, делая изумленное лицо. – А

деньги? Их же не вернут! Ведь у них такая отвратительная система, из которой получают выгоду только они сами. Предложили страховку от невыезда, но она стоит такие охрентельные бабки! Нет уж, извините-подвиньтесь... Не запугают нас ураганами!

«Переживает, – мысленно отметил Андрей, – раз сам завел разговор».

– Калманович, – сунул ему растопыренную пятерню турист. – Калманович Леонид. Не еврей. Просто не повезло.

Он чем-то напоминал одного артиста, которого Куприн терпеть не мог, – развязного, вечно гогочущего, сорящего неумными остротами. Пришлось здороваться, улыбаться, что-то отвечать. А новый знакомый тут же начал рассказывать анекдоты про евреев: «Папа, мы евреи? – Нет. – А когда будем?» – и бесцеремонно над ними ржать.

– Впервые в Доминикане? – спросил Калманович. Он уже, похоже, преисполнился доверием к новому знакомому.

– Да-да, – с готовностью закивал Андрей. – И, знаете, потрясен здешней красотой. Такого не увидишь ни в Турции, ни на Кипре...

– Ерунда, – отмахнулся Калманович. – Море везде одно, заруби на носу, Андрюха. Лишь бы солнышко, да лежаки на пляже не кончались, гы-гы... А еще кормили сносно, и чтобы за пивом не бегать по всему городу, задрав штаны... Я вот нынче без семьи – не хрен им расслабляться, пусть дачу сторожат и мать-ее-в-законе ублажают... – Он отвязно гого-

тал, полностью довольный своими шутками. – Кем работаешь-то?

– Да так, – смутился Андрей, – инженером.

– И я инженером! – обрадовался Калманович и хлопнул Андрея по плечу. – Да расслабься ты, Андрюха, чего зажатый такой? Вроде нормальный мужчина, представительный, бабы таких любят, а ведешь себя, как учитель ботаники... Не к добру это на курорте, понял, да? Эй, барышня! – Калманович привстал, обращаясь через головы сидящих к гиду. – А че там с ураганом-то? Полетаем, нет?

– Господа, успокойтесь насчет урагана, – натянуто засмеялась куклообразная представительница турфирмы. – Да, «Айрин» недавно сформировался, но, как уверяют специалисты, ураган пройдет стороной, зацепив лишь острова Малой Антильской гряды: Доминику, Барбадос, Гваделупу и так далее. У нас возможны лишь небольшие дожди и кратковременное усиление ветра. И в любом случае это произойдет не раньше чем через пару дней.

– Отлично! – возликовал Калманович. – Два дня еще можем жить!

И снова принялся доставать: не хочет ли Андрей присоединиться к его запланированному алкогольно-табачному туру? Он слышал, что на острове можно достать эксклюзивные гаванские сигары «Лонсерос Коиба», здесь отличный доминиканский ром, причем такое количество его разновидностей, что одному все это ну никак не выпить...

– Рекомендую «Бруталь», «Барсело» и «Бермудес», – повернулся сидящий впереди мужчина с добродушной физиономией. – Их еще можно потреблять внутрь, а вот все остальное категорически не советую. Вы должны быть уверены, что ваш организм принимает ром. Вот мой, например, его решительно отвергает – убеждался неоднократно, просыпаясь не там и не с теми. Похмелье с этой штуки просто убивает. Угрожает печени утром, днем и вечером, – остроумно переиначил мужчина известную рекламу бесполезного лекарства.

– Хм, – сказал Калманович, – мужик, ты нас расстраиваешь...

– А «Лансерос Коибу» вы здесь не найдете – в лучшем случае подделку. Но не стоит печалиться – местные сигары по качеству не уступают кубинским. Кстати, и кофе здесь недурственный – заявляю как специалист. Но чтобы его найти, придется хорошенько поработать ногами – мы все-таки вдали от основного острова... Грибов, – протянул он руку сначала Андрею, потом Калмановичу, – просто Грибов. В третий раз на Карибах. Не женат. Директор сервисного центра по ремонту оргтехники.

– Присоединяйся, – снисходительно разрешил Калманович.

Покосившись влево, Куприн обнаружил, что сидящая за проходом женщина бросает в его сторону недвусмысленные «послания». Немного смутилась, перехватив его взгляд, но

тут же заулыбалась, протянула узкую ладошку:

– Сикорская. – Покосилась на облизнувшегося Грибова, засмеялась: – Просто Сикорская. Галина Игоревна. Ведущий научный сотрудник в Институте ядерной физики Сибирского отделения Академии наук.

Для «ведущего научного сотрудника» она была сравнительно молода и недурна собой. Узкое лицо, роскошные каштановые волосы, заколотые на висках невидимками, отсутствие каких-либо жиров под облегающими джинсами и легким жакетом.

– Ничего себе, – грубовато оценил Калманович. Смерил женщину раздевающим взглядом. – Прошу прощения, мадам, от вас не фонит?

– Фу, – поморщилась Сикорская, – какой примитив. Фонит, уважаемый россиянин, еще как фонит.

– Вы одна? – полюбопытствовал Грибов.

– Одна и впервые, – засмеялась женщина. – Предыдущие годы жила в заточении в замке великана. Вы должны быть в курсе, уважаемые соотечественники, в какую недостижимую мечту превращается в наше время слово «отпуск». Удивляюсь, как мои мозги еще не утекли за рубеж... – Словно ненароком, она мазнула взглядом Андрея и быстро провела язычком по нижней губе.

И снова неприятные ощущения – за спиной у Сикорской сидели двое и, не моргая, смотрели ему в глаза. Он не подал вида, что неприятно, – любезно улыбнулся. Женщина по-

старше Сикорской – когда-то была хороша собой, да и сейчас еще недурна (в полумраке), – отозвалась смущенной улыбкой и машинально потерела мочку уха – жест, давно изученный психологами. Мальчик лет тринадцати, сидящий рядом с ней, не улыбался. Он был какой-то странный – прямой, как шпага, в очках, с редкими, тонкими волосенками, неподвижным лицом. Равнодушно тараторил на Андрея, не моргая, не отводя глаз – это было неприятно... и как-то необычно.

– Здравствуйте, – проговорила женщина, – меня зовут Алла Юрьевна. Мы из Тулы.

«А я подумал – «скопские», – чуть не вырвалось у Андрея. Он склеил самую располагающую на свете улыбку.

– Буэнос диас, сеньора, – проворковал он, – очень и очень приятно. Андрей. А он настоящий? – не удержался он от вопроса, кивнув на мальчика.

Последний не изменился в лице, а женщина слегка зарделась. Но обижаться не стала. Толкнула мальчика в бок, и тот со вздохом перевел взгляд за окно.

– Он у меня такой, да, – сказала она, и было непонятно, то ли гордится чадом, то ли жалуется.

– Какой хороший чико, – оценил Андрей.

– Уже почти мучачо... – еще больше покраснела женщина. Машинально отметилось, что испано-русский разговорник женщина если и не освоила, то, по крайней мере, пролистывала.

– Еще увидимся, – уверил Андрей, возвращая голову обратно и растирая затекшую шею.

А люди в его окружении уже вовсю общались.

– А? Что? Почему без нас? Что тут происходит? – заскрипели и напряглись кресла под тяжестью хрупких женских рук.

И за спинами Андрея и Калмановича возникли два смазливых девичьих личика – со смешливыми глазками и вздернутыми носиками. Обозрели присутствующих, приняхались, посмотрели друг на дружку и засмеялись. Потом поднялись выше и положили локти на спинки впереди стоящих кресел.

– Мама дорогая... – поразился Калманович. – Вот так литавры... Ой, не бейте, это комплимент... – Он шутливо прикрылся ладошками с растопыренными пальцами.

Девчушки не обиделись, лишь та, что посветлее, погрозила Калмановичу кулачком, а та, что потемнее, из сжатого кулачка выстрелила средним пальцем и ехидно засмеялась. Запущенными комплексами девицы не страдали. Андрей заметил, как разом поскучнела Сикорская, нахмурилась сидящая сзади Алла Юрьевна – мамаша странного «мучачо».

– Обалдеть... – восхищенно бормотал Грибов. – И как мы вас сразу не заметили, девушки? Вы что там, прятались? Добро пожаловать в компанию, как говорится. Студентки, я прав?

– Вроде того, – поморщила носик темненькая.

– А может, и нет, – добавила светленькая.

Они опять переглянулись и заразительно прыснули. Девчушки были хороши собой и на фоне моря и пальм должны были смотреться просто исключительно.

– Ада, – представилась темненькая.

– Рая, – сказала светленькая. Отметила реакцию и добавила: – Нет, серьезно...

– О Боже святой! – шутливо перекрестился Калманович. – Бывает же такое...

– Символично, – согласился Грибов.

Беседа текла непринужденно. Девушки выглядели младше своих лет. Одна была аспиранткой (Андрей не запомнил, кто и где), другая окончила вуз и стояла на перепутье – работать или жить. Девчонки щебетали, оценивающе поглядывая то на Грибова, то на Андрея. Мужчины упражнялись в остроумии. Втянулась в беседу и Сикорская. Вытянула шею и вставила несколько замечаний Алла Юрьевна. Автобус уже одолел расстояние от аэропорта до Аллеридо и втягивался в петляющие улочки, застроенные белыми домами. «Плутаем, как Володя Дубинин в керченских катакомбах», – пошутил Калманович. Стены зданий прятались за ворохами вьюнов, окна и бесхитростные балкончики были заставлены цветами. Фруктовые деревья теснились за белеными оградами. Обилие красок поражало. До первой линии отелей, расположенных на побережье, оставалось немного. Андрей уже извелся – он устал улыбаться и дурачиться. Зло было рядом,

оно маскировалось под добродетель, он чувствовал его каждой клеточкой. Кто-то из людей, его окружающих, был не тем, за кого себя выдавал. Его пасли – значит, боялись, что он может что-то раскопать; значит, в истории пропавшего чиновника имелось здоровое зерно. И тайну до поры до времени не выпускали из клетки...

И словно выпал из реальности. ОТЕЛЬ «Парадизус Гольфо», четыре звезды – действительно четыре, бывает и хуже. Ломаное здание переменной этажности, смотрящее северными окнами на море. Под домом – пальмы, перекресты гаревых дорожек, спуск к пляжу... у отеля был собственный пляж метров сто шириной – ослепительно-белый, пологий, с кучками лежаков, стыдливо жмущихся друг к дружке. Территорию отеля ограничивали два вдающихся в море мыса, образуя бухту. «Залив в заливе», – пошутила гид, сопровождая туристов из автобуса в отель. Отсюда и название отеля – «Райская бухта» в переводе. Вселение в номер – Павел Федорович не обманул, его фамилию действительно нашли в каком-то списке на ресепшене. Чернявый работник по имени Луис покосился на него с уважением, выдал ключи и предложил на ломаном русском дотащить до номера небольшую спортивную сумку. Потом сообразил, что сказал не то, обзрел атлетическую фигуру туриста, озадаченно почесал затылок – и оба рассмеялись. На изыск рассчитывать не приходилось, но номер понравился. Бегло осмотрел, похлопал

шкафами, вышел на балкон... и чуть не задохнулся напитанным йодом воздухом. Спокойно, дружище, не за тем ты сюда приехал. К сожалению, у них имеется и море... Пробраться в его номер с соседнего балкона было трудно, сверху и снизу – практически невозможно. Он тщательно запер балконную дверь, включил кондиционер. Посидел на кровати, раскладывая информацию по полочкам. Информации было до отвращения мало...

Все туристы, с которыми он невольно познакомился в автобусе, имели путевки именно в этот отель. Мистика какая-то. Красотки Ада с Раей уже скинули с себя пропылившуюся в дороге одежду и фланировали по территории практически в чем мать родила. Полоски джинсовой ткани ниже бедренных косточек означали, видимо, шорты, а прозрачное нечто, свисающее с костлявых ключиц, – майки-топики. За ними из беседки, совмещенной с баром, задумчиво наблюдал Грибов. Метался раздосадованный Калманович. Он то и дело путался под ногами. В очередной раз, когда они столкнулись, Калманович волок по коридору свою тяжелую сумку и злобно бурчал под нос.

– Как дела? – на всякий случай поинтересовался Андрей.

– Как, как... Полет ненормальный, – огрызнулся Калманович. – А ты у нас блатной, да, Андрюха? Одноместный номер получил, самый хитрый, да? Я тоже сначала был один – ну, правда, в двухместном. Кондиционер, сука, сдох. Переселили к какой-то гомосятине из Хохляндии... так мало то-

го, что гомо, так еще и тупой, как пробка! Только глазищами шныряет да кругами вокруг ходит, тьфу!

– То есть гомо, в принципе, не сапиенс? – пошутил Андрей.

– Точно! – рубанул, как шашкой, Калманович. – Ну, я им и учинил на ресепшене – всех построил, блин! Почему такое злостное неуважение к российскому гражданину? Ах, какой же был скандал... Теперь переселяют в двадцать девятый – посмотрим, что за «буэнос нумэро»... Кстати, Андрюха, что такое «буэнос нумэро»?

– «Хороший номер», – пожал плечами Андрей.

Он исподлбья наблюдал, как Калманович волочит свою ношу, и не заметил, что рядом распахнулась дверь. Чуть не обомлел – надо же, боевой майор, ты стал трусливым, как заяц!

– Не зайдете, Андрюша? – вкрадчиво осведомилась Алла Юрьевна, успевшая переодеться в открытый сарафан, обнаживший веснушчатые плечи. – Дело в том, что мы с Виктором не можем открыть окно – там что-то заело...

Прозвучало так, словно дама приглашала майора спецназа в постель. «С Виктором...» – невольно задумался Куприн. Ну, конечно, у нее же этот приторможенный сынок... Он бочком протиснулся в номер, готовясь достойно встретить неприятности, и даже немного разочаровался, когда ничего не случилось. Оконную раму действительно заклинило; пришлось приложить мужскую грубость, чтобы развести

створки. Он провозился несколько минут, не выпуская из поля зрения обитателей номера. Алла Юрьевна витала вокруг него кругами, а мальчик, неподвижный, как горнист на пьедестале, сидел на кровати, обняв колени, и не спускал с него глаз.

– Готово, Алла Юрьевна... – Он, отдуваясь, распахнул окно. – Только в следующий раз, уж будьте добры, зовите не соседей, а работников заведения. Должны же они делать хоть что-то? Или сиеста в этой местности – понятие круглосуточное?

– Мама, этот дядя очень странный, – низким голосом, тщательно проговаривая буквы, выдал отрок. – И ведет он себя очень странно. Давай поищем кого-нибудь другого, мне он не нравится.

Устами «младенца» глаголила сермяжная истина. Женщина вспыхнула и так посмотрела на чадо... Впрочем, чадо даже ухом не повело.

– Простите, Андрюша, – пробормотала женщина, – он сам не понимает, что несет. Большое вам спасибо; надеюсь, вы не обиделись...

Выйдя из номера, он столкнулся с Грибовым, несущим мокрую голову из бассейна... и едва сдержался, чтобы не засадить ему апперкотом в челюсть. Недаром говорят, что чучело медведя порой бывает страшнее самого медведя!

– Побледнели вы что-то, – удивился Грибов, покосившись на притворенную Андреем дверь. Ухмыльнулся скабречно: –

Налаживаете отношения? Запасной, так сказать, аэродром?

Объяснять свое присутствие в сомнительной точке пространства не хотелось совершенно.

– Вроде того, – пробормотал Андрей. – Осталось разобратся с основным аэродромом, на который буду принимать элегантные современные лайнеры...

В фойе отеля уже трудилась «желто-белая» представительница «Розмари-тур» – приписанная к отелю «куратор» российских туристов, выбравших именно этого оператора. Девицу звали Тамара, она была высока, ладно сложена, имела такие длинные ноги, что захватывало дух, и весьма располагающую деловую мордашку. Собрать дорвавшихся до свободы соотечественников было нереально – в этот час ей удалось «мобилизовать» лишь семью из Петропавловска-Камчатского, и она ей с упоением расписывала прелести экскурсий, проводимых «Розмари-туром» (по безбожно завышенным ценам), и подробно разжевывала, почему ни в каком случае нельзя пользоваться услугами местных агентств. При этом она манипулировала, словно жонглер, рекламными проспектами. До Андрея доносились фрагменты нотаций:

– У этих подозрительных организаций даже лицензий нет... Вот остановит их полиция на трассе – конфискует транспортное средство, и вам пешком придется выбираться из джунглей... Мужчина, не уходите! – вскинула она голову, обнаружив пробирающегося между диванами Андрея. – Вы

ведь тоже от «Розмари-тур»? Мне непременно нужно провести с вами беседу. Присаживайтесь. Подождите, куда вы, мужчина?

Он пробормотал, что вернется (аста ла виста, беби), и, сгорая от стыда, припустил во внутренний двор. Здесь имелись бар, бассейн, столики для принятия пищи по системе «почти все включено» и выложенная цветным гравием аллея, ведущая к пляжу. Проход обрамляли шеренги молодых пальм. Андрей двинул к пляжу и практически мгновенно вычислил возвращающуюся с купания Галину Игоревну Сикорскую. Начал метаться, чтобы уйти с дороги, но было поздно. Пришлось растянуть улыбку до ушей и приосаниться. Женщина заулыбалась, мотнула головой, распуская мокрые волосы. Поверх купальника она намотала длинное, как чалдонская борода, полотенце, но ноги предстали во всей красе – мускулистые, крепкие, тщательно обработанные средствами для эпиляции. Чувство прекрасного майору Куприну изменяло редко, вот и сейчас он по достоинству оценил элементы женской красоты, находящиеся на пике – на таком удручающем пике... что даже думать не хотелось, что будет с этой красотой через год, два, три...

– Здравствуйте, инженер, – манерно поприветствовала Галина Игоревна. – На пляж решили вырваться?

– Надо, знаете ли, – учтиво отозвался Андрей. – Море под боком, не сидеть же взаперти весь день.

– Отличное запоздалое решение, – похвалила женщина. –

А я уже совершила омовение – на здешнем пляже не так уж плохо. Смущают только сетки справа и слева. Больное воображение рисует огороженный дворик для прогулок в тюрьме. Двенадцать шагов влево, двенадцать вправо... Уже решились, как будете проводить время? – Женщина смотрела на него пристально, склонив голову, давая понять, что вопрос не праздный, а ирония в глазах и голосе – всего лишь попытка скрыть интерес.

– С максимальной раскрепощенностью, – надув щеки, заявил Андрей.

– Главное, чтобы не с максимальной вседозволенностью, – засмеялась женщина, и интерес в ее глазах вырос просто до неприличия.

«Не получается прикинуться дурачком», – огорченно подумал Андрей.

– Ну, хорошо, идите купаться, не буду вас смущать, – сказала женщина. – Надеюсь, увидимся за ужином?

«Куда же мы денемся с этой подводной лодки?» Он раскланялся и двинулся дальше. Желание обернуться расплавляло затылок. Он уступил своей прихоти, обернулся, чувствуя стыд и неловкость. Женщина удалялась по дорожке, грациозно покачивая бедрами, – в задней «проекции» такая же сексапильная, как в передней. «Хрен тебе, инженер, не обернусь, – выразительно сообщала прямая спина. – Как бы ни хотелось – все равно не обернусь...»

Погруженный в мысли, Куприн добрался до пляжа и от-

метил, что он не одинок – в отеле порядка пятидесяти номеров, и в любое время суток на пляже находились люди. Маленькие дети рылись в песке, отрок постарше, тоскующий по воле, ковырял сетку, отделяющую пляж от соседнего отеля. Упитанная дама, раскинув конечности, принимала солнечную ванну. На лице у нее лежала раскрытая книга – очередной всемирный бестселлер о похождениях вампиров «в кругу семьи». Оживленно общались представители израильской молодежи, девушка напоминала Бабу-ягу в годы боевой молодости, и спутник не лучше – один нос чего стоил. Они приветливо улыбнулись Андрею – тот тоже сделал вид, будто страшно обрадовался. Волны с приятным шелестом набегали на берег. Цепочка коралловых рифов чернела в отдалении. Вода была прозрачная, как слеза, – отлично просматривались волнистые шероховатости на дне, стайки юрких рыбешек, шныряющих по мелководью. Он скинул одежду, вошел в воду... и даже не почувствовал ее. Дама, плавающая на круге в прибрежных водах, распахнула глаза, когда мускулистый мужчина с разбега, словно пуля в тесто, красиво ушел в воду, а вынырнул лишь метров через двадцать и энергичным кролем поплыл к буйкам. И здесь сетка! Чертыхнувшись, он передохнул, зацепившись за крашеный «поплавок», и неторопливо поплыл обратно, любуясь береговыми красотами. Потом ему стало интересно – а как насчет глубины? Он набрал воздуха, нырнул, подался ко дну, яростно работая ногами. Стайка разноцветных рыбешек, занимавшихся каким-то

важным делом, врассыпную бросилась прочь. До дна он не добрался – глубина оказалась впечатляющей, кончался воздух в легких. Смутно прорисовывались коряги, валуны... Он заработал руками, подался наверх – а только вынырнул и распахнул рот, как кто-то схватил его за щиколотку и поволок обратно!

Жуткая паника в безвоздушном пространстве – голова разбухла, как дирижабль, глаза полезли из орбит. Он дергал ногой, изворачивался, чтобы избавиться от «карибского водяного». Муть в глазах – он не видел, кто его держит, не мог схватить – тело «водяного» ускользало из рук. Какое-то время его тащили вниз, потом отпустили – и он быстрее молнии понесся на поверхность, вынырнул, хапнул воздуха. И вновь неведомая сила поволокла на дно! Он ударил второй ногой – мимо. Но долго мучить теперь не стали, отпустили – он выпрыгнул из воды, ошарашенный, не верящий в то, что остался жив, колотил под водой ногами, чтобы снова не схватили, вертелся вокруг оси... и зарычал от злости, когда в паре метров одна за другой вынырнули две симпатичные головки и радостно засмеялись. Ада с Раей!

– Вы что, охренели?! – завопил он, хлебнул воды и закашлялся.

– Ой, – сказала Ада, делая большие выпуклые глаза, – мы, кажется, перестарались. Андрей, простите, ради бога, мы не хотели вас напугать. Мы просто такие озорные, нас так и под-

мывает какую-нибудь гадость провернуть...

– Неправда, подруга, мы очень хотели его напугать, – возразила снующая кругами Рая. – Мы пришли вслед за вами, Андрей, а вы тут красовались своим идеальным античным торсом – ну, прямо весь из себя. Нырнули так эффектно, потом красиво всплыли – ну, просто бог из книжки про греческие мифы... Я и предложила – давай, дескать, напугаем этого зазнайку.

– Не всплыл, а вынырнул, – поправила Ада. – Всплыл как раз мой дядюшка четыре года назад – после того как выпил два литра водки на даче, а потом решил искупаться.

– Ты видишь в этом принципиальную разницу? – удивилась Рая. – Ну... в общем, неважно. Вы простите нас, Андрей? Мы больше не будем. Никогда не будем – обещаем и клянемся на реликвиях нашего постылого женского братства. Если хотите, мы можем угостить вас после ужина хорошим карибским вином и сплясать вам зажигательную испанскую хабанеру.

– Нет, – отрезал Андрей. Он уже отдышался.

– Нет? – удивилась Рая. – Вы не хотите, чтобы мы вас простили?

– Может, наоборот? – задумалась Ада.

– Я не знаю, что такое хорошее карибское вино, а хабанера – это кубинский народный танец, – сказал Андрей. – Он умеренно подвижный, в нем нет ничего зажигательного. А прощу вас после того, как сам напугаю... – Он сделал страш-

ное лицо, рывком подался к девушкам, схватил их обеих за руки и потащил, истошно визжащих, ко дну...

Куприн ничего не понимал. Неделю назад бесследно пропали несколько туристов, проживающих в отеле «Парадизус Гольфо», – их увез туристический автобус и назад не вернул. Грандиозная мистификация исключалась – зачем чиновнику из московского правительства вешать лапшу на уши никому не нужному бывшему майору спецназа и при этом расставаться с огромной кучей денег? Заказчик располагал неверной информацией? Сомнительно. Чиновники такого уровня располагают лишь проверенной информацией. Почему чиновник не позвонил, после того как поведал историю, расстался с деньгами и убедился, что авантюра «на мази»? Он обещал подкинуть координаты полезного человека. Забыл, заболел? Или что-то другое, о чем даже думать страшно? Несколько раз в течение дня Куприн набирал заученные цифры и нарывался на непробиваемое «абонент отключил телефон». Он украдкой присматривался к людям, живущим в отеле. Ведь не все вселились в течение последней недели. Должны быть «старожилы» – у многих путевки и по двенадцать дней, и по четырнадцать. Имеются знакомые пропавших, возможно, родня. Где они? Сюрреализм какой-то. Всех выселили? Перевели в другие отели? А как насчет персонала? Он не встречал озабоченных людей, которых бы что-то угнетало, все выглядело естественно – как в любом другом отеле, которых на побережье неисчислимое множество.

И вместе с тем он чувствовал, что находится под наблюдением. Следящий не предпринимает враждебных действий и, возможно, не станет их предпринимать, если Куприн не полезет в бутылку. Зачем бессмысленные трупы? Отгуляет турист свой срок, уедет на историческую родину, и все довольны. Но если вдруг разовьет наказуемую активность...

С приходом сумерек он сделал вылазку в город – на ближайшую «ла кайе» (улицу). Жара спадала, люди выбирались из отелей. По нарядной Изабель-Росса толпами сновали туристы – всевозможных рас и национальностей. Работали магазинчики, сувенирные лавки – энергичные мулаты выставляли на тротуар изделия доминиканских умельцев: амулеты, маски из дерева и кости, ожерелья из ракушек, коврики, керамическую посуду, забавные картины в карибском стиле. Работали табачные, винные лавки, уличные кафе, из которых согласно «формату» гремела испанская музыка – там хохотали женщины и мужчины, клубами вился табачный дым.

Сновали автобусы, развозя уставших экскурсантов по отелям. Один из таких автобусов постоял минутку перед шлагбаумом у «Парадизус Гольфо» и въехал на территорию. Андрей задумчиво проводил его глазами. Он выходил из отеля демонстративно, многие это видели, – рассчитывал, что кто-то подастся следом, и тогда он вычислит слежку. Но люди, ведущие наблюдение (если он не обзавелся, конечно, паранойей), были умнее, чем он думал. Куприн стоял за деревом с праздным видом, сунув руки в карманы клетчатых шорт,

и ждал прибытия «хвоста». Потом вздохнул и переместился в кафе, где тянул вязкий, ароматный, умопомрачительно вкусный доминиканский кофе.

Екнуло сердце, когда у тротуара встал «Рено» с надписью «Policia», и из машины выбрались двое в форменных рубашках цвета детской неожиданности. Один был белый, со слабой примесью негритянской крови (квартерон – на четверть африканец); второй – типичный самбо, помесь индейца и чернокожего. Первый остался у машины, прислонился к капоту, сунул большие пальцы за ремень и принялся исподлобья озирать отдыхающих. Прогулялся скольльзящим взглядом по майору спецназа, глянул еще раз – без особой учтивости. Случайность, решил Андрей. Напарник вошел в кафе, небрежной походкой добрался до стойки и через пару минут уже протискивался обратно с двумя стаканчиками кофе и свертком под мышкой. Андрей не заметил, чтобы он платил. Полицейские уселись в машину и стали трапезничать. На них никто не обращал внимания. Андрей отвернулся. Когда он вновь покосился на улицу, полицейской машины там уже не было, а по тротуару тащились, подволакивая ноги, пожилые корейцы – семейная пара – и оживленно трещали, не глядя друг на друга.

Темнело в этой местности стремительно. Загорались фонари, подсветка, встроенная в здания. За соседний столик уселась симпатичная мулатка с «изделиями народного промысла» в ушах, закинула ногу на ногу и с интересом про-

женной профи усталилась на Андрея: мужчина, вы такой одинокий... Натальное белье под крошечной юбкой она не носила. Андрей допил свой кофе, оставил на столе купюру в сто песо – абсолютную кальку с доллара – и зашагал в отель. Он мог еще успеть к бесплатному ужину...

Куприн распахнул глаза, когда поднялось солнце, отразилось от зеркала и выстрелило в него горячим светом. Он валялся в чем мама родила на вспотевшей простыне и таращился в подвесной потолок. Надо действовать, не отдыхать сюда прибыл. Задницу в штаны – и вперед! Он должен нарваться, вызвать огонь на себя – только так можно расшевелить это болото! Друзья на подходе, они сориентируются и прикроют, а если не успеют, то он сам справится.

Весь последующий день Андрей только и делал, что нарывался на неприятности. Утром сбегал на пляж, принял душ, чтобы выглядеть свежим и привлекательным для женского населения отеля. Расточал улыбки, оставил щедрые чаевые горничной, убирающей в номере.

– Тамара, можно с вами поговорить? – обратился он к сотруднице туроператора, сидящей на диванчике в холле со сжатыми коленками. Девушка грызла ноготок и бегло заполняла документ, лежащий поверх папки.

– Да, конечно. – Она удивленно на него посмотрела. – Вы решились-таки съездить на экскурсию от нашей фирмы? Или у вас... – на мгновение в красивых глазах мелькнуло

беспокойство, – проблемы в номере?

– Все в порядке, – улыбнулся Андрей. – Кондиционер пока работает, оконные рамы не вываливаются, соседи по ночам не бузят. Скажите, вы давно уже работаете в этом отеле?

– Странный вопрос. – Она неуверенно улыбнулась. – В общем-то, нет... всего четыре дня. До этого работала в Санто-Доминго, но начальство почему-то распорядилось перевести меня на Эстрему. Ближайший месяц я скорее всего проведу здесь. Если вас волнует, знакома ли я со своими обязанностями и умею ли координировать работу...

– О нет, только не это, в ваших профессиональных навыках я нисколько не сомневаюсь. – Он так располагающе улыбнулся, что работница туристической индустрии сразу расслабилась, и в красивых глазах заблестел интерес. Он присел, сохраняя дистанцию. – Скажите, Тамара, – он доверительно понизил голос, – я слышал, в этом отеле неделю назад произошел неприятный инцидент... Знаете, я просто опасаюсь. Глупость, наверное, но один человек на пляже мне вчера такое рассказал...

– Вы о чем? – Накрашенные ресницы взмыли вверх. – Если в этом отеле и происходили неприятные инциденты, то только до моего появления. Но начальство и персонал ни о чем таком не рассказывали... А что случилось? – Она подалась вперед и приоткрыла ротик.

– Даже не знаю, верить ли этому... – Он замялся в нерешительности. – Но говорят, что туристы из России уехали на

экскурсию... и пропали вместе с автобусом, который их вез. И с тех пор о них ни слуху ни духу...

– О господи... – Она отложила свою папку, и характерный интерес в глазах сменился подозрительностью. – Мужчина, вы о чем таком говорите? Это типа местной городской легенды? Или вы пробуждаете мой интерес к вашей персоне? Знаете, мне некогда, я вроде как работаю...

– То есть случиться такого не могло? – на всякий случай уточнил Андрей.

– Чушь, – фыркнула Тамара. – И как вам в голову такое пришло? – Она внимательно всмотрелась в его ждущие глаза. – Да ну, что за глупости... – Помотала симпатичной головкой, освобождаясь от наваждения. – Скажете же такое.

– Самое интересное, что я не шучу и не пытаюсь таким образом завоевать ваш интерес, – утробно вымолвил Андрей.

Она молчала несколько мгновений, потом сделала вид, что собирается уйти, но никуда не ушла. Задумалась, временами бросала на него косые взгляды – мол, не хочет ли этот сумасшедший признаться, что он шутит?

– Ну, хорошо, – неуверенно сказала Тамара, – сыграем в вашу игру. Автобус пропал – провалился во временную яму, все его пассажиры стали заложниками боевиков Че Гевары, их съело вместе с автобусом страшное чудовище, обитающее в местных джунглях. В мире случается многое, согласна. Вопрос не в этом, а в том, почему я об этом впервые слышу? Где полиция? Где российские дипломатические структуры?

Почему не ведутся поиски – с привлечением лучших сыщиков Следственного комитета? Почему об этом я узнаю от вас, которому кто-то что-то шепнул на пляже? Признайтесь, что морочите мне голову!

– Не морочу, – улыбнулся Андрей. – Вы даже не представляете, насколько злободневны заданные вами вопросы.

Он не стал продолжать этот глупый разговор и раскланялся, чувствуя спиной изумленный взгляд.

Следующим номером в программе значился опрос персонала. Кучерявый паренек Рамон, сменивший за стойкой Луиса, оценил по достоинству знание испанского языка русским туристом, но по существу «предъявленных обвинений» ничего вразумительного сказать не мог. Его изумление не выглядело наигранным. Синьор шутит? Ах, вы, русские, такие шутники и приколышки... Хорошо, Рамон, будем считать, что я шучу. Как давно ты здесь работаешь? Четыре дня? Странно, вы все тут, похоже, сговорились... Началась твоя месячная смена? Надо же, какое совпадение. И у Луиса тоже? И не слышал никаких кулуарных разговоров?

Довольно долго Андрей терзал портье. Тот не знал, куда деваться от назойливого отдыхающего. Вежливо улыбался, отделялся общими фразами. Жизнь в отеле размеренная и чинная. Это не клубный отель – сюда приезжают люди, ценящие покой и тишину, здесь не бывает инцидентов. Ну, разве перепьет кто-нибудь из постояльцев – с кем не случается? В позапрошлом месяце вызывали врача к одному из туристов,

другого забрала полиция – впрочем, отпустила наутро, сделав внушение. Не было ли в отеле массовых «выселений»? А что это такое? Проживают ли в отеле туристы, вселившиеся до 12 августа? Он полистал журнал, нашел парочку. Это уже было хоть что-то. Здесь мало людей, покупающих путевку на длительный срок, объяснил портье. Отель не для богатых, путевки дорогие – люди стараются за неделю, максимум за десять дней удовлетворить свои потребности в «южном» отдыхе. А как насчет горничных? Не может быть, чтобы все устроились на работу в течение последней недели. Разумеется, нет – достопочтенная Паула работает уже больше месяца...

Андрей выловил горничную, когда она прибиралась в номере на третьем этаже. Он ожидал, что язык у девушки не развяжется, но чтобы та оказалась такой запуганной молчуньей... Девушка прятала глаза, делала вид, что не понимает по-русски, а когда он перешел на испанский, оказалось, что она и такого языка не знает! Он показал ей фото дочери Ракитина – поинтересовался, помнит ли Паула эту девушку? Она уже уехала... или с ней что-то случилось? Горничная закусила губу, побледнела, потом залопотала, что она ничего не знает, она здесь просто работает, очень ценит свою работу, а если сеньор будет приставать и дальше, то она обратится в полицию...

Парень с девушкой в четырнадцатом номере оказались тихими наркоманами. По номеру струился дымок явно не та-

бачного происхождения. Они пытались вытолкать его в коридор, но Андрей проявил упрямство. Он не из полиции, и ему плевать, чем эти двое тут занимаются. Помнят ли они эту девушку? Оба дружно пожали плечами – кого тут только не было. «Хорошая куколка», – хихикнул парень, а девица тут же ущипнула его за попу. Пусть отстанут от них, они никому не мешают, им осталось два дня, они мирные, тихие, думают о свадьбе... впрочем, это ничуть не мешает им мечтать о смерти.

Последним номером в программе оказался пожилой невозмутимый итальянец. Все дни он возлежал в шезлонге у бассейна, не ходил ни в город, ни на море – курил сигару и читал книги, получая таким образом удовольствие от жизни. Временами спускался в бассейн, проплывал по периметру и вновь погружался в шезлонг. Он помнит эту девочку – а что? Она родственница синьора? Разве она не уехала? Когда Андрей сходил в бар за двумя бутылками дорогого пива и презентовал одну из них итальянцу, синьор Антонио Маротти снисходительно поддержал беседу. Он старается не лезть в чужие дела, но если уж синьор так убивается по поводу этой девочки, не доехавшей до дома... Да, он припоминает, что несколько дней назад в отеле что-то происходило. Он возлежал, как всегда, у бассейна во внутреннем дворике, слышал, как в холле ругались русские туристы. Кто-то препирался с портье о том, что «они уже давно должны приехать, но так и не приехали». Портье защищался – он-то тут

при чем? Потом синьор Антонио видел, как за стеклянными дверями мелькают полицейские мундиры. Но когда он поднимался к себе в номер, в холле никого уже не было. На следующий день уехали несколько туристов. Он еще удивился – странно, вроде недавно вселились. Ему показалось, что они были расстроены и испуганы. Но синьор Антонио Маротти не лезет в чужие дела – возможно, именно поэтому дожил до преклонных лет, не разучившись радоваться жизни...

Сгущались черные тучи.

– Андрюша, здравствуйте, – открылась дверь, когда он проходил по коридору, и образовался смущенный лик Аллы Юрьевны. – У меня тут что-то с краном – он не закрывается, вода постоянно сочится... Вы не посмотрите?

– Я напоминаю сантехника? – удивился Андрей, покосившись во чрево номера у нее за спиной. Злость взяла, неужели боится эту женщину? А ведь действительно боится. Его профессия – не бояться мужчин, и он отлично с ней справлялся. С прекрасным полом сложнее – дамы непредсказуемы, хитры, изощренны, с ними не прокатывает тупая мужская бравада. Он разозлился – и на себя, и на нее. – Я просил вас уже, Алла Юрьевна, если в номере что-то не так, обращайтесь к персоналу, они за это деньги получают. А если у вас секс реже, чем Новый год, то я не виноват. Патронов мало, извините. Уж лучше себе последний оставлю... понимаете, о чем я?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.